

Зона Икс

mysterium

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

ПЕРВЫЙ РОМАН ТРИЛОГИИ
ЗАВОЕВАЛ **NEBULA AWARD**
КАК ЛУЧШИЙ РОМАН 2014 ГОДА

ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР АССИМИЛЯЦИЯ

ЖУТКО И ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ

Стивен Кинг

Annotation

Тридцать лет изучения таинственной Зоны Икс так и не принесли плодов. Отправляемые туда экспедиции в лучшем случае возвращаются с пустыми руками – а чаще не возвращаются вовсе. Тайная правительственная организация, призванная раскрыть секреты Зоны, топчется на месте, а сотрудники то ли тихо сходят с ума от безнадежности, то ли сами неувовимо и жутко меняются под ее влиянием. Теперь Зона Икс перешла в наступление, и людям нечего ей противопоставить. В заключительном томе трилогии о Зоне Икс раскрываются тайны прошлого и настоящего, чтобы найти ответ на вопрос: есть ли у планеты Земля будущее?

Джефф Вандермеер

Ассимиляция

© Рейн Н.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Посвящается Энн

000X: Директриса, двенадцатая экспедиция

Недоступные, недостижимые: рокот прибоя, приливы и отливы, острый запах моря, крестообразные силуэты чаек, их внезапные резкие крики. Обычный день в Зоне Икс, нет, совершенно необычный – день твоей смерти, – и ты сидишь, привалившись спиной к куче песка, наполовину в тени крошащейся стены. Теплое солнце греет лицо, и ошеломляющий вид над маяком, смутные очертания которого теряются в собственной тени. Интенсивность цвета неба просто поразительная – кажется, что за пределами этой пронзительной голубизны просто не может ничего существовать. Мелкие песчинки липнут к ране на лбу, а во рту какой-то предмет с резким неприятным привкусом, и еще из него *что-то* капает.

Ты вся ослабла, тело онемело, ты чувствуешь себя разбитой и при этом испытываешь некое странное облегчение, смешанное с горечью: пройти столь долгий путь, чтобы остаться здесь, не зная, как все обернется дальше, и все же понимая – здесь ты наконец *упокоишься*. Теперь ты отдохнешь. Наконец-то. Все осталось позади – все твои планы в Южном пределе, изнурительный, выматывающий душу страх провала или даже того хуже, цена, которую... впрочем, не важно, теперь все это вытекает на песок, просачивается в него мелкими красными жемчужными капельками.

Пейзаж надвигается на тебя, наваливается откуда-то сзади и пялится прямо в лицо, весь какой-то рваный, потом начинает кружить, потом уменьшается до размера булавочной головки, а затем вдруг попадает в фокус. И со слухом тоже творится что-то неладное – не такой, как прежде, ослаб вместе с тобой. Но, однако, при этом же происходит нечто невероятное: словно по мановению волшебной палочки откуда-то из глубины подвижного пейзажа доносится голос, и он обращен прямо к тебе. И шепот кажется таким знакомым: «Твой дом цел, в порядке?» Но ты думаешь: тот, кто это спрашивает, чужак, незнакомец, и игнорируешь этот голос, словно нежданный стук в дверь.

Пульсирующая боль в плече после столкновения в башне куда как хуже. Эта рана выдает тебя, делает такой заметной в ослепительно голубом пространстве – несмотря на то что ты этого вовсе не хочешь. Есть какая-то связь, какая-то причинность между раной и пламенем, язычки которого танцуют над камышами и отмечают твое присутствие. Твой дом редко бывал в таком беспорядке, и тем не менее ты понимаешь: что бы ни произошло в ближайшие несколько минут, что-то еще да останется. Исчезнуть, раствориться в небе, земле, воде – это еще не гарантия смерти здесь.

С тенью, отбрасываемой маяком, сливается еще чья-то тень.

Вскоре слышится хруст подошв по песку, и, совершенно дезориентированная, ты кричишь: «Аннигиляция! Аннигиляция!» – и судорожно бьешься и дергаешься до тех пор, пока эта невнятная тень не опускается перед тобой на колени и не превращается в человека, невосприимчивого к любого рода предложениям.

– Это я, биолог.

Всего лишь биолог. Всего лишь твое неуправляемое оружие, штурмующее стены Зоны Икс.

Она помогает тебе сесть поудобнее, подносит воду к губам, смывает кровь с лица, а ты заходишься в кашле.

– Где топограф? – спрашиваешь ты.

– Осталась в лагере, – отвечает она.

– Не захотела идти с тобой? – Я боюсь биолога, боюсь все разрастающегося огня, как, впрочем, и она. – Блуждающий огонек, медленно летящий над болотами и дюнами, вперед и вперед, уже не человек, а что-то другое, свободное и парящее... – Это гипнотическое внушение должно было успокоить ее, но произвело не больше эффекта, чем обычная колыбельная.

Беседа развивается бурно, ты начинаешь сбиваться и теряешь нить. Говоришь о том, что не имеешь в виду, пытаешься остаться в образе – в том, в котором биолог знает тебя, в той конструкции, которую ты для нее создала. Возможно, теперь не самое подходящее время волноваться по поводу ролей, но роль есть, и ты должна ее доиграть.

Она винит тебя, но винить ее ты никак не можешь, не получается.

– Если это и катастрофа, то без тебя не обошлось. Ты испугалась и опустила руки.

Неправда – ты никогда не сдаешься, – но почему-то киваешь в ответ, думаешь о множестве совершенных ошибок.

– И это тоже. Да. Да. Надо было сразу заметить, что ты меняешься. – И это правда. – Следовало вернуть тебя к границе. – А вот это неправда. – Не стоило спускаться в туннель с антропологом... – Тоже неправда, не совсем так. У тебя тогда просто не было выбора, ну, после того как она ускользнула из базового лагеря, вознамерившись доказать свою правоту.

Ты продолжаешь кашлять кровью, но вряд ли теперь это имеет значение.

– Что собой представляет граница? – Детский вопрос. Вопрос, на который невозможно ответить. Тут кругом одна только граница. И в то же время никакой границы нет. Здесь можно идти милью за милей и не заблудиться. Нет, заблудиться просто невозможно, как бы ты ни старалась.

– Что собой представляет граница?

Расскажу, если дойду.

– Как на самом деле происходит переход?

Не так, как ты думаешь.

– Чего ты не рассказала нам о Зоне Икс?

Тебе бы все равно не помогло. Ни капельки.

Солнце превратилось в бледный расплывчатый нимб без центра, голос биолога время от времени пробивается к тебе, песок, зажатый в ладони правой руки, кажется одновременно холодным и горячим. Боль возвращается приступами, атакует через каждые две микросекунды, такая всеобъемлющая, что ты даже перестаешь ее ощущать.

И вот постепенно ты осознаешь, что утратила дар речи. Но ты все еще здесь, безмолвная и отрешенная, точно ребенок, который лежит на полотенце, на этом самом пляже, прикрыв глаза шляпой. Равномерный и неустанный шум прибоя и морской бриз навевают дремоту, солнечные лучи обволакивают теплом, оно растекается по всему телу, расходится по рукам и ногам. Ветер так слабо треплет волосы, что кажется, будто это и не волосы вовсе, это колышутся водоросли в воде, прямо под скалой в форме человеческой головы.

– Прости, но мне придется это сделать, – говорит тебе биолог, будто знает, что ты все-таки еще ее слышишь. – У меня нет другого выхода.

Ты чувствуешь, как тебе оттягивают и прокалывают кожу – неприятное, но мгновенное ощущение – это биолог берет пробу из инфицированной раны на плече. А затем, словно с непреодолимого расстояния, до тебя дотягиваются ее руки, начинают обшаривать карманы куртки. Она находит твой дневник. Она находит твой надежно спрятанный пистолет. Она находит твое жалкое письмо. Что она сделает со всеми этими предметами? Возможно,

ничего. А может, выбросит письмо в море, пистолет отправится за ним. Возможно, она проведет остаток жизни за изучением твоего дневника.

Она продолжает говорить:

– Я не знаю, что тебе сказать. Я рассержена. Мне страшно. Ты привела нас сюда, и у тебя была возможность рассказать мне все, что ты знала, но ты этого не сделала. Не захотела. И я, конечно, могу сказать «покойся с миром», но не думаю, что ты заслужила этот покой.

А потом она ушла. И ты даже начала скучать по ней – не хватало под боком тепла человеческого тела, даже тех горьких и злых слов, которые она произнесла на прощание. Впрочем, скучала ты недолго, потому что нехотя продолжала таять и растворяться в пейзаже, точно призрак; и еще откуда-то издалека слабо доносилась нежная музыка, и некто нашептывавший тебе на ухо начал снова шептать, и затем ты растворилась в ветре. Точно некий двойник находился рядом, прирос к тебе, и его запросто можно было бы принять за атомы воздуха, не будь он столь сосредоточен, целеустремлен. Даже весел?..

Вознесясь над неподвижными озерами, пролетев над болотом с его мерцающими огоньками, которые отражались в морской воде, над берегом, освещенным лучами заходящего солнца... Ты вдруг разворачиваешься и направляешься в глубь материка, к кипарисам и черной воде. Затем снова резко взмываешь в небо, нацелившись на солнце, завертевшись, закружившись, перейдя в свободное падение, извернувшись, чтобы бросить взгляд на вздыбившуюся навстречу землю, простирающуюся между вспышками света и медленно катящимися волнами камышовых зарослей. Ты почти надеешься увидеть там Лаури, раненого, но выжившего в той давней первой экспедиции, несчастного Лаури, ползущего к спасительной границе. Но вместо этого видишь биолога, трусящую по темнеющей тропинке... а позади у нее за спиной притаился и ждет, скуля от боли, преобразившийся психолог из какой-то экспедиции, кажется, до двенадцатой. И в том твоя вина, как и любого другого, и поправить уже ничего нельзя. И нет тебе прощения.

А потом снова резкий разворот, быстро приближающийся маяк. По обе стороны от него дрожит воздух, а потом обретает разные очертания, то взвивается вопросительным знаком, то стелется ровно и низко, поднимается высоко лишь затем, чтоб опуститься к самой земле. И вот он окончательно изгибается вопросительным знаком – словно для того, чтоб ты стала свидетелем собственного жертвоприношения; и эти очертания висят там, источая свечение. Что за грустный знак препинания – зеленое пламя, сигнал бедствия, знак упущенной возможности. Ты все еще паришь в воздухе? Умираешь или уже умерла? Сложно сказать.

Но шепот никуда не делся. Не отстал от тебя.

Так что ты еще не внизу.

Ты здесь, наверху.

И допрос продолжается.

И будет продолжаться до тех пор, пока ты не дашь ответы на все вопросы.

0001: Смотритель маяка

Проверил механизмы линз, прочистил и протер сами линзы. Починил шланг для поливки в саду. Подправил ворота. Сложил все инструменты, лопаты и прочее в сарай. Визит БП&П. Заказать краску для дневной разметки – черная краска со стороны моря облупилась. Также заказать гвозди и еще раз проверить сирену с восточной стороны. Замечены: пеликаны, шотландские куропатки, какая-то разновидность камышевки, множество черных дроздов, песчанки, королевская крачка, скопа, американские дятлы, бакланы, ласточки, карликовая гремучая змея (у изгороди – не забыть!), пара кроликов, олень с белым хвостом, и на рассвете, прямо на дороге, – множество броненосцев.

Тем зимним утром холодный ветер так и норовил пробраться под воротник куртки Саула Эванса, пока он шагал по тропинке к маяку. Накануне ночью разразился шторм, и ниже и слева от него серел океан, катил валы под тускло-голубым небом, а заросли тростника раскачивались и шелестели. На берег выбросило обломки дерева, бутылки, потускневшие белые буи и тушу мертвой рыбы-молот, опутанные водорослями, но никаких серьезных разрушений ни здесь, ни в деревне шторм не причинил.

У ног его стелились ветки ежевики, по обе стороны от тропы тянулись густые сероватые заросли чертополоха, который зацветет пурпурными цветами весной и летом. А справа под жалобные крики поганок и малых гоголей чернели пруды. Черные дрозды, примостившиеся на тонких низких ветках деревьев, в страхе взлетели при его приближении, а потом всей дружной крикливой компанией снова заняли насиженные места. В воздухе свежо и остро пахло солью, примешивался и легкий запах гари – им тянуло то ли от ближайшего дома, то ли от плохо затушенного костра.

До встречи с Чарли Саул жил на маяке вот уже лет пять, и продолжал жить там же, но вчера вечером остался ночевать в деревне, примерно в миле отсюда, в коттедже Чарли. Это было нечто новенькое и никак не обговаривалось, но когда Саул собрался одеваться и уходить, Чарли подтолкнул его к постели. Такое проявление радушия вызвало робкую полуулыбку на губах у Саула.

Чарли даже не шелохнулся, когда Саул поднялся с постели, оделся, сделал яичницу на завтрак. Оставил щедрую порцию для Чарли на сковородке под крышкой вместе с долькой апельсина и куском хлеба в тостере, рядом приложил коротенькую записку. Уже у двери он обернулся и посмотрел на человека, который лежал на спине, полуприкрытый сползшим одеялом. Чарли было под сорок, но он был строен, с мускулистым торсом и широкими плечами, крепкими ногами мужчины, который провел добрую половину сознательной жизни в лодках, забрасывая и вытягивая сети. И живот у него был плоский – сразу ясно, что этот человек не проводит все вечера за выпивкой.

Дверь захлопнулась с тихим щелчком. Отойдя от дома на несколько шагов, Саул начал насвистывать, как дурачок, благодаря бога, который в конечном счете сделал его счастливым, пусть даже таким непредсказуемым образом. Некоторые вещи доходят до тебя с запозданием, но, как известно, лучше поздно, чем никогда.

Вскоре перед ним уже высился маяк. Он служил дневным ориентиром для лодок и кораблей, чтобы те могли выбирать правильное направление на мелководье, но и ночью добрую половину недели светил – в полном соответствии с расписанием движения торговых

судов, проплывавших поодаль, в открытом море. Саул знал в нем каждую ступеньку, каждый закуток внутри, за этими стенами из камня и кирпича, каждую трещинку и пятнышко. Грандиозные четырехсторонние прожекторы в башне наверху, или, собственно, сам маяк, тоже были по-своему уникальны, и он знал сотни способов верно направить их лучи. Состояли они из тысяч зеркальных поверхностей, собранных в форме овала, и напоминали дверь из голубоватого стекла или неестественно удлинённый зрачок всевидящего ока. Стояли они на маяке со дня основания, и было им уже больше ста лет.

Будучи священником, он считал, что познал мир и покой, нашел свое призвание, но после этой добровольной ссылки изменил свое мнение и понял, что поистине обрел то, что искал всю жизнь. Понадобилось больше года, чтобы понять почему. Священники как бы *выставляются* перед миром, навязывают ему себя, и этот мир тоже сильно на них влияет. Но стать смотрителем маяка – это верный способ заглянуть в себя, приструнить гордыню. Оказавшись здесь, он занимался лишь чисто практической деятельностью, которой научился у своего предшественника. Теперь он знал, как содержать линзы в порядке, как работает вентилятор и панель доступа к прожекторам, как поддерживать порядок и чистоту этого сооружения, как починить все, что вдруг вышло из строя, – словом, мог переделать за день тысячу дел. И ему нравилась вся эта подчас рутинная работа, он радовался тому, что она не дает времени размышлять о прошлом, и был готов проработать хоть весь день напролет – особенно теперь, в свете приятных воспоминаний об объятиях Чарли.

Но воспоминания эти тут же померкли, стоило Саулу увидеть, что ждало его на стоянке, посыпанной гравием, за ярко-белой изгородью, окружавшей маяк и площадку вокруг него. Там стоял знакомый сильно помятый фургон, а рядом с ним, как обычно, два новобранца из «Бригады Познания & Прозрения». Снова явились мучить его, портить хорошее настроение, даже успели уже выложить рядом с машиной свое оборудование – видно, не терпится начать. Еще издали он нехотя приветствовал их взмахом руки. Избавиться от них будет непросто.

Теперь они постоянно путались под ногами, делали замеры, фотографировали, записывали выводы и наблюдения на большие неуклюжие диктофоны, снимали свои любительские фильмы. Старались найти... что? Он знал историю местного побережья, знал, как расстояние и тишина могут преувеличить, исказить представление о самых обыденных вещах. Как при виде этих просторов, и тумана, и пустой береговой линии размышления приобретают самый зловещий оборот и начинают создавать историю буквально из ничего.

Саул не спешил, поскольку находил этих людей утомительными и до тошноты предсказуемыми. Путешествовали они парами – один отвечал за познание, другой за прозрение, – и порой он с удивлением прислушивался к их разговорам. Его поражало, насколько противоречивы могут быть их высказывания, подобные мыслям и аргументам, вертевшимся у него в голове, когда срок его служения в церкви подходил к концу. Последнее время к нему зачастила одна и та же пара: мужчина и женщина лет двадцати с небольшим, хотя порой они больше походили на подростков. Вели себя, как мальчик и девочка, убежавшие из дома, прихватив с собой набор «Юный химик» и доску уиджа^[1].

Генри и Сьюзен. Поначалу Саул решил, что за суеверия отвечает женщина, но она оказалась ученой – интересно, в какой области? А сверхъестественными явлениями занимался мужчина. Генри говорил с еле заметным акцентом, и Саулу никак не удавалось определить, что это за акцент такой, добавляющий властности и самоуверенности каждой фразе. Он был полноват, чисто выбрит в отличие от бородатого Саула, под бледно-голубыми

глазами залегли тени, черные волосы подстрижены горшком, бледный и неестественно высокий лоб закрывает челка. Похоже, этого Генри ничуть не волновали вещи земные, к примеру, погода, поскольку он всегда носил одну и ту же одежду с небольшими вариациями – рубашку-батник из тонкого синего шелка и слаксы. А начищенные до блеска черные туфли на молнии годились разве что для прогулки по городским улицам, а не для экспедиций.

Сьюзен больше походила на тех, кого в народе называют хиппи, но во времена детства Саула вряд ли ее кто-то назвал бы коммунисткой или представительницей богемы. Волосы белокурые, носила она белую блузку с вышивкой в крестьянском стиле и коричневую твидовую юбку ниже колен, наряд довершали рыжевато-коричневые сапожки до середины икры. Лишь немногие подобные ей становились его прихожанами. Но порой все же забредали – потерянные, старающиеся жить собственным умом, ищущие какой-то новый импульс для дальнейшего существования. Если б не хрупкая фигурка, она бы походила на сестру-двойняшку Генри, не иначе.

Эти двое никогда не называли своих фамилий, хотя как-то один из них произнес нечто похожее на «Серумлист» – какое-то совершенно бессмысленное слово. Впрочем, Саул и не стремился узнать их поближе, и если уж быть честным до конца, за глаза называл их «Бригадой легковесов», как в боксе или спортивной борьбе.

Когда Саул наконец вышел, приветствовал их кивком и еле слышно выдавил «здорово», парочка повела себя как обычно, точно он был продавцом в деревенском продуктовом магазине, будто маяк – публичное заведение, двери которого открыты для всех желающих. Если бы у двойняшек не было разрешения от службы национальных парков, он бы захлопнул двери прямо у них перед носом.

– А ты, похоже, не в настроении, Саул, хотя день выдался просто чудесный, – заметил Генри.

– Да, Саул, день просто прекрасный, – поддакнула Сьюзен.

Он снова кивнул и выдавил кислую улыбку, и парочка так и покатилась со смеху. Саул решил не обращать внимания.

Он отпирал ворота, а они продолжали трещать как сороки. Эти двое вечно болтали, хотя Саул предпочел бы, чтоб они занялись своим делом. На сей раз разговор шел о чем-то, что они называли «некромантическим дублированием», и, насколько он понял, хотели построить комнату из зеркал, где царил бы темнота. Станный термин, и Саул старался не прислушиваться к их объяснениям, полагая, что это не имеет ни малейшего отношения к маяку и его жизни.

Здесь люди вовсе не являлись невеждами, но были суеверны, и с учетом того, что море часто забирало человеческие жизни, винить их в этом было сложно. Ну что плохого в том, что человек носит на шее амулет, оберегающий от несчастий, или прочтет короткую молитву, прося Господа сохранить жизни своих любимых? А эти приезжие, вмешивающиеся в чужие дела, пытались якобы постичь суть вещей, старались, по словам Сьюзен, «анализировать и исследовать», и вызывали неприязнь у местных своим равнодушным отношением к человеческим трагедиям, свершившимся и будущим. Но постепенно Саул как-то привык к «Бригаде легковесов», как к этим крысам неба, хищным и крикливым чайкам. Выдавались дни, когда он вдруг ловил себя на том, что почти научился переносить их компанию. *«И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?»*^[2]

– Генри считает, что маяк самое подходящее место для такой комнаты, – произнесла

Сьюзен с таким видом, словно сделала страшно важное открытие. Ее энтузиазм показался вполне серьезным и искренним и одновременно – слишком фривольным и до смешного непродуманным и любительским. Возможно, она верила в эту идею столь же пылко, как новообращенные верят в Христа, – ощущение новизны и особой близости обычно уничтожает все сомнения. Но возможно, эти двое все же больше походили не на новообращенных, а на странствующих проповедников, которые расставляют свои палатки на окраинах небольших городков, вооруженные пылом веры, и больше ничем. Может быть, это были просто шарлатаны. При первой встрече с этими людьми Саулу показалось, что, по словам Генри, они изучают преломление света в тюремных камерах.

– Знакомы с этими теориями? – спросила Сьюзен, когда они начали подниматься вверх по холму.

Шла она налегке, с камерой на ремне через плечо и чемоданчиком в руке. Генри старался не показывать, что запыхался, а потому молчал. Он нес тяжелое оборудование, часть которого разместились в коробке: микрофоны, наушники, приборы для считывания ультрафиолетовых лучей, коробочки с 8-миллиметровой пленкой, какие-то машины с циферблатами и переключателями и прочие счетчики и приборы.

– Нет, – ответил Саул, скорее из чувства противоречия, поскольку Сьюзен зачастую обращалась с ним как с человеком бескультурным, ошибочно считая его грубоватые манеры признаком невежества, а рабочую одежду – нарядом простолюдина. Кроме того, чем меньше он будет говорить, тем раскованнее они будут себя чувствовать. То же самое, что говорить с потенциальными спонсорами в бытность священником. А на самом деле он просто не понимал, о чем это она толкует, как не понимал, что имеет в виду Генри, говоря, что они изучают какой-то не то «тейв», не то «террор» региона, даже несмотря на то что этот тип специально для него произнес это слово по буквам: «т-е-р-р-у-а-р».

– Молекулы пребиотиков, – почти весело удалось выдать Генри. – Энергия духов.

И тут Сьюзен разразилась пространной лекцией о зеркалах и вещах, которые выглядывают из этих зеркал, о том, как ты можешь лишь искоса мельком взглянуть на какой-то предмет и узнать больше о его истинной природе, нежели при прямом и самом тщательном разглядывании. И Саул вдруг призадумался: уж не являются ли Сьюзен и Генри любовниками. Если так, то ее энтузиазм и стремление работать именно в этой бригаде имеют вполне прозаическое объяснение. Мало того, это объясняет взрывы их истерического смеха, доносящиеся снизу. Не слишком благородное предположение, но ему хотелось купаться в блаженных отсветах ночи, проведенной с Чарли, а не общаться с этими выскочками. Нет, с него хватит.

– Встретимся наверху, – бросил он и начал быстро подниматься по лестнице, прыгая сразу через две ступеньки.

Генри и Сьюзен пыхтели внизу, далеко позади, и вскоре исчезли из вида. Он хотел провести без них наверху как можно больше времени. В пятьдесят по закону он должен уволиться отсюда, выйти на пенсию. Но и тогда ему хотелось оставаться в хорошей форме. Несмотря на боль и ломоту в суставах.

И вот Саул взобрался на самый верх, даже не запыхавшись, и с удовлетворением отметил, что в фонарной комнате все в том же виде, как он и оставил, и линзы прожекторов прикрыты мешковиной, чтобы не поцарапались и не выгорали под лучами солнца. Ему всего-то и надо было, что снять эти покрывала и впустить свет. Его уступка Генри, пусть и на несколько часов в день.

С этой точки он однажды заметил, как под водой, за песчаными дюнами, мелькнуло нечто огромное, подобное тени, такой темно-серой и глубокой, что она резко и отчетливо выделялась на фоне голубого неба гладкой и плотной своей поверхностью. Даже в бинокль не получалось разглядеть, что это за создание или во что именно оно может превратиться, если наблюдать за ним достаточно долго. А возможно, это «нечто» рано или поздно распадется на тысячи отдельных фигур и окажется огромным косяком рыб или же просто игрой света в воде, цвет которой постоянно меняется, и это непонятное явление просто исчезнет, окажется иллюзией. За пять лет работы здесь он уже успел приспособиться и перестал испытывать состояние неловкости, разрываясь между тем, что знал и не знал об этом земном мире. И вовсе не стремился сейчас познать великие его тайны, не больше, чем в те моменты, когда во время церковных проповедей мир вдруг начинал казаться ему таким загадочным и прекрасным. Просто еще одна хорошая история, которую можно рассказать в деревенском баре, того рода история, которую ожидают от зрителя маяка. Если эти люди вообще хоть что-то от него ожидают.

– Вот почему эти линзы здесь представляют для нас особый интерес: то, как они приводятся в действие, вращаются и как это соотносится с историей обоих маяков, – раздался у него за спиной голос Сьюзен. Очевидно, она вела разговор с Саулом в его отсутствие, даже не заметив, что он успел подняться, может, даже считала, что он ей отвечал. У нее за спиной маячил Генри – казалось, он вот-вот рухнет под тяжестью ноши, хотя мог бы давно привыкнуть к подъему по этой лестнице.

Поставив коробку на пол и немного отдышавшись, Генри заметил:

– Отсюда у вас открывается просто потрясающий вид. – Он говорил это каждый раз, так что Саул перестал обращать внимание и отвечать, даже из вежливости.

– А вы на этот раз надолго? – спросил Саул. Обычно эти двое приезжали на две недели, и он давно перестал спрашивать, опасаясь ответа.

Глаза Генри, обведенные тенями, сузились.

– На сей раз у нас имеется разрешение до конца года.

Голова у него всегда была склонена вправо – то ли результат несчастного случая, то ли родовая травма, – и особенно заметно это было, когда он говорил: правое ухо почти касалось слегка вздернутого плеча. Саулу казалось, что он походит на заводную куклу.

– Просто напоминаю. Прикасаться к прожекторам можно, но вмешиваться в их функции нельзя ни в коем случае. – Он повторял и будет повторять это предупреждение каждый день. Потому как в прошлом у них появлялись весьма странные идеи на тему того, что можно, а что нельзя.

– Расслабься, Саул, – сказала Сьюзен, и он заскрежетал зубами. Ему не понравилось, что она назвала его по имени. А ведь поначалу они называли его мистер Эванс – это ему нравилось куда больше.

Он всегда испытывал почти детский восторг, указывая им отойти и встать на коврик, под которым находился люк, ведущий в помещение для наблюдения. Некогда, до автоматизации, там хранились все средства и устройства для поддержания света. Контрабандисты использовали его по тайному соглашению с одним из бесчестных его предшественников. Парочка не подозревала о наличии этой комнаты, и он радовался, словно ему удалось уберечь хотя бы один отдел своего мозга от их экспериментов. Кроме того, если эти двое так наблюдательны, как думают, они бы уже давно догадались, для чего предназначена небольшая скоба у верхней ступеньки.

И вот, довольный тем, что они разместили свое оборудование и вроде бы не собираются ничего нарушать и трогать, Саул кивнул и ушел. Он спускался по лестнице и где-то на полпути вдруг услышал наверху звук – словно что-то сломалось или разбилось. Звук не повторился. Саул поколебался, затем пожатием плеч отмел подозрения и продолжил спускаться по винтовой лестнице.

Оказавшись внизу, он занялся уборкой двора и наведением порядка в сарайчике для инструментов, где царил суший бардак. Не один из досужих наблюдателей удивился бы, увидев, как смотритель маяка обходит свои владения вокруг башен, перебирается с места на место, точно краб-отшельник без раковины. Но на самом деле работы тут было невпроворот, и каждый день приходилось что-то чинить и подправлять, поскольку место открытое, а штормы и соленый воздух делают свое черное дело, грозя разрушить и уничтожить все. Особенно тяжело приходилось летом, на жаре, когда налетали и больно жалили мухи.

Он работал на заднем дворе и осматривал лодку, которую держал под навесом, как вдруг появилась Глория. Навес упирался в гряду из песка и ракушечника, что проходила параллельно пляжу, дальше цепочкой тянулись скалы, уходили в море. Во время приливов волны оставляли на берегу заводи, полные морских анемонов, голубых крабов, морских звезд, улиток и морских огурцов.

Глория была высокой и крупной для своих девяти лет – «Девять с половиной!» – девочкой, и, хотя бродила по этим скалам, иногда шатаясь из стороны в сторону, внутренних шатаний в ее юной головке Саул не наблюдал, и это ему нравилось. Колесики и винтики в его собственной, уже далеко не молодой голове не всегда работали гладко.

И вот она снова здесь, стоит, покачиваясь, на камнях в зимней одежде – джинсы, куртка с капюшоном, под ней свитер, теплые сапоги на широко расставленных толстых ногах. А он уже закончил осматривать лодку и теперь собирал компост и укладывал его в тачку. Она говорила с ним. Она всегда говорила с ним, с тех самых пор, как впервые начала приходить сюда год тому назад.

– Знаешь, а мои предки жили здесь, – сказала она. – И мама говорит, что жили они на том самом месте, где теперь маяк. – Голос у нее был слишком низкий для девочки, порой он даже вздрагивал, услышав его.

– И мои тоже, дитя, – сказал ей Саул. Толкнул тачку и начал переворачивать ее над компостной кучей. Хотя на самом деле одна ветвь его семьи являла собой странную комбинацию из бутлегеров и религиозных фанатиков, о чем он тоже любил рассказывать в местном баре. – Пришли на эту землю в поисках свободы вероисповедания.

Глория призадумалась над этим высказыванием Саула, а потом выпалила:

– Уж не раньше моих.

– Разве это так важно? – только тут он заметил, что забыл проконопатить небольшую трещинку в лодке.

Девочка нахмурилась. Он почувствовал спиной, настолько сильным было ее недовольство.

– Ну, не знаю. – Он обернулся, увидел, что она перестала прыгать по камням, видно, решила, что эта скачка принимает слишком опасный оборот. У него прямо сердце замирало при виде этих ее упражнений, но он знал, что она ни разу не поскользнулась, не упала, хотя часто была близка к тому, и всякий раз, когда он пытался предупредить ее об опасности, не обращала на его слова ни малейшего внимания.

– Думаю, да, – сказала она после паузы. – Думаю, это имеет очень даже большое значение.

– Я на одну восьмую индеец, – сказал он. – Так что я тоже тут давно. По крайней мере, часть меня.

Впрочем, дело не в этом. Какой-то дальний родственник рассказал ему о работе смотрителя маяка, но взяли его не из-за индейской крови. Просто больше никто не хотел сюда идти.

– И что с того? – сказала она. И перепрыгнула на скалу с острыми отвесными краями, размахивая руками, балансировала на ней секунду-другую, и Саул, затаив от страха дыхание, подошел поближе.

По большей части она раздражала его, просто пока что духу не хватало прогнать эту девчонку. Отец ее жил где-то в континентальной части страны, мать горбатилась на двух работах, ездила в поселок из бунгало на берегу. Хотя бы раз в неделю ей приходилось ездить в отдаленную часть Бликерсвилля – возможно, она решила, что ребенка вполне можно время от времени оставлять одного. Особенно с учетом того, что Саул за ней присматривает, на то он и смотритель маяка. А Глорию как замороженную так и тянуло к маяку, и этому притяжению не могли помешать ни его скучные работы по наведению порядка в сарае, ни сваливание компоста из тачки в кучу.

И зимой тоже она часто оставалась одна – разгуливала по грязному берегу к западу от маяка, тыкала в норки крабов палкой, или гонялась за наполовину одомашненным оленем, или же высматривала койота, или разглядывала медвежий помет с таким видом, точно в нем крылась какая-то тайна. Да мало ли что еще можно отыскать на берегу.

– А кто такие эти странные люди, которые сюда приехали? – спросила она.

Он с трудом удержался от смеха. Да на этом забытом богом берегу полным-полно странных личностей, в том числе и он сам. Одни скрывались от властей, другие прятались от кредиторов, третьи – от самих себя. А некоторые верили, что создают здесь собственное суверенное государство. И уж наверняка хотя бы двое находились в стране нелегально. Люди часто задают здесь подобные вопросы, но честного ответа не ожидают. Удовлетворяются какой-нибудь выдумкой.

– Это ты о ком?

– Ну, о тех, с трубками.

Саул замолк на секунду, представил, как Генри и Сьюзен разгуливают по берегу с трубками в зубах, курят, дымят нещадно.

– Трубки. О, это не трубки. Это совсем другое. – Скорее, они походили на огромные свернутые кольцами москитные сетки. Несколько месяцев назад, еще летом, он позволил членам «Бригады легковесов» оставить их в задней комнате на первом этаже. Как это она их разглядела?

– Но кто они такие? – не унималась Глория. Теперь она балансировала на двух камнях, и Саул с облегчением выдохнул.

– Они с острова, что к северу от побережья. – Что было чистой правдой, их база все еще располагалась на острове Невезения, ставшем настоящим заповедником для десятков таких типов. – Ставят всякие опыты.

Подобные слухи распространялись в местном баре, и он считал, что в целом они недалеко от истины. Частные исследования, с одобрения правительства занимаются

различными замераами. Но появлялись также слухи о том, что деятельность БП&П имеет более зловещую подоплеку. Возможно, источником подобных слухов стала организованность и тщательность одних и полное отсутствие организации среди прочих им подобных? Или же просто парочка скучающих пьяных пенсионеров выползла из своих домов-фургонов и принялась рассказывать всякие небылицы?

Но, по правде сказать, он понятия не имел, что они делают на том острове или для чего им сваленное на полу первого этажа оборудование. Он даже не знал, чем в данный момент занимаются Генри и Сьюзен наверху, в башне маяка.

– Я им не нравлюсь, – сказала девочка. – И они мне тоже.

Саул хмыкнул. Насмешило его не само высказывание, но то, как дерзко она выпалила его, скрестив руки на груди, точно уже давно решила, что эти люди – ее враги навеки. И еще он проникся к ней чувством сродства.

– Ты надо мной смеешься, что ли?

– Нет, – ответил он. – Ничего я не смеюсь. Ты такая любопытная. Задаешь вопросы. Поэтому, наверное, им не нравишься. Вот и все. Людям, задающим вопросы, далеко не всегда приятно, когда вопросы задают им.

– А что плохого в том, что человек задает вопросы?

– Ничего. – И одновременно все. Стоит начаться вопросам, и прежде ясное и понятное становится непонятным. Вопросы открывают путь к сомнениям. Так говорил ему отец. Не позволяй им задавать вопросы. Ты уже дал им все ответы, пусть даже они этого и не осознают.

– Но ведь и ты тоже любопытный, – сказала она.

– С чего ты взяла?

– Ты охраняешь свет. А свет... он все видит.

Свет, может, и все видит, но он заболтался и не сделал еще несколько дел, и теперь они задержали его во дворе дольше положенного, и это ему не нравилось. Надо поскорее вернуться на маяк. Он откатил тачку на стоянку, оставил ее на гравии рядом с фургоном. Он ощущал некоторую тревогу – надо бы проверить, чем занимаются там Генри и Сьюзен. Что, если они нашли потайную дверцу и наделали каких-нибудь глупостей, к примеру, рухнули в люк и сломали свои дурацкие шеи? Им разрешалось просвечивать прожекторы, но лишь тогда, когда они прикрыты, а они остались открытыми. Он устремился наверх по лестнице, а потом заметил Генри – тот смотрел на него сверху вниз, навалившись грудью на перила, и под этим взглядом смотритель почувствовал себя страшно глупо, словно страдал паранойей. Потом Генри помахал ему рукой. Или то был какой-то другой жест? Голова у Саула закружилась, и он резко отвернулся, словно ослепленный яркими солнечными лучами.

Он заметил на лужайке что-то блестящее. Оно было наполовину скрыто от взгляда растением, поднявшимся над дерном, в том месте, где пару дней назад он нашел мертвую белку. Что это? Стекло? Ключ? Темно-зеленые листья окаймляли стебель по кругу, не позволяя видеть, что лежит у его основания. Он присел на корточки, заслонил глаза ладонью, но сверкающий предмет был по-прежнему скрыт под листьями растения. Может, это часть листа? Что бы это там ни было, ясно одно: предмет страшно тонкий и хрупкий, но одновременно почему-то напоминал ему четырехтонный прожектор, находящийся высоко над головой.

Лучи расходились короной у него за спиной, точно нашептывали что-то. Жара

усилилась, но бриз шелестел в ветвях карликовых пальм. Девочка находилась где-то у него за спиной, напевала какую-то дурацкую песенку – стало быть, вернулась на берег со скал раньше, чем он ожидал.

Но для Саула в этот миг не существовало ничего, кроме высокого растения и блестящего предмета, скрытого под листьями. Он все не мог понять, что же это такое.

На его руках все еще были перчатки, которые он забыл снять, когда поставил тачку на место. Подойдя, наблюдатель опустился на колени рядом с растением, просунул руку сквозь листья и потянулся к блестящей вещице. Свет, поднимающийся крохотной спиралью вверх? Напоминает то, что видишь в калейдоскопе, но не цветное, а ярко-белое. Но что бы это ни было, оно вертелось, сверкало, ловко ускользало от его пальцев. И тут ему стало плохо.

Встревожившись, он собрался было отдернуть руку.

Слишком поздно. Он почувствовал, как в большой палец вонзилось что-то острое. Боли он не чувствовал, лишь нажатие, а затем легкое онемение, но все равно подпрыгнул от неожиданности, вскрикнул и затряс рукой. Потом резко сорвал перчатку и осмотрел палец. И еще он знал, что Глория наблюдает за ним и не понимает, что происходит.

Постепенно Саулу все же удалось расслабиться. Палец не болел. Следа от укола видно не было. Он поднял перчатку, осмотрел ее, ничего не нашел.

– Что случилось? – спросила Глория. – Уколотся? Или кто ужалил?

– Не знаю, – сквозь зубы пробормотал он.

Потом почувствовал на себе еще чей-то взгляд и обернулся. Это был Генри. Как это он успел так быстро спуститься с лестницы? Неужели прошло больше времени, чем ему казалось?

– Да. С вами что-то случилось, Саул? – спросил Генри. Но тот не услышал в этих словах, да и в самом тоне, ни малейшей тревоги или озабоченности. Их там не было. Лишь какое-то странное любопытство.

– Да ничего страшного, – пробормотал он в ответ и почему-то занервничал. – Просто уколол палец.

– Через перчатку? Да, должно быть, очень острый шип. – И Генри принялся осматривать землю вокруг с каким-то особым пристальным интересом, словно человек, потерявший любимые часы или кошелек, полный денег.

– Все в порядке, Генри. Не стоит беспокойства. – Он сам на себя рассердился – такой сыр-бор из-за пустяка, – но в то же время хотел, чтоб Генри ему поверил. – Может, просто дернуло током.

– Вполне может быть. – В глазах Генри появился какой-то странный холодный блеск, и смотрел он на Саула как-то отстраненно, точно прислушиваясь к посылаемым ему откуда-то сигналам и словам.

– Ничего страшного, – повторил Саул.

Ничего страшного.

Ведь так?..

На третий день в Зоне Икс Кукушка, сопровождаемая мрачным Контролем, нашла в камышах скелет. Сейчас в Зоне Икс стояла зима, а потому был отчетливо виден след, тянувшийся от моря, через которое они сюда попали. Холодный ветер бил в лица, проникал под куртки, небо обрело странный голубовато-серый оттенок, точно скрывало некую важную тайну. Аллигаторы, выдры и ондатры старались спрятаться, зарыться поглубже в грязь, и очертания их казались призрачными на сером фоне, где глухо разбивались о берег волны.

Высоко над головой, там, где прорезался темно-голубой просвет в небе, она заметила намек на некую светоотражающую поверхность. И поняла, что это летящая клином стая аистов – под лучами солнца серебрились их бело-серые перья, они летели высоко в небе и двигались так целеустремленно, направляясь... куда? А может, оценивали и измеряли границы своей тюрьмы, старались различить впереди невидимую границу до того, как ее пересечь? Или же они, подобно любому другому существу, оказавшемуся здесь в ловушке, просто подчинялись полузабытому инстинкту?

Она остановилась, Контроль – тоже, рядом с ней. Мужчина с высокими скулами, большими глазами, расплюснутым, как у боксера, носом и светло-коричневой кожей. На нем были джинсы и красная фланелевая рубашка, сверху накинута черная куртка, на ногах сапоги, которые лично она никогда бы не надела, чтоб расхаживать в этой глуши. Директор Южного предела. Человек, который был ее дознавателем. Атлетически сложенный, но за время нахождения в Зоне Икс заметно сдал, начал сутулиться, невнятно бормотать что-то себе под нос, рассматривая постоянно забрызганные каплями воды и измятые странички доклада, никому не нужные и неизвестно зачем им хранимые. Одним словом – осколок старого мира.

Он так и не понял, почему она остановилась.

– В чем дело?

– Птицы, – ответила она.

– Птицы? – Он произнес это слово так, словно оно было иностранное или же вовсе бессмысленное. Или же, напротив, слишком значимое. Но кто знал, что имеет здесь значение?

– Да, птицы. – Дальше объяснять нет смысла, все равно не поймет.

Она поднесла к глазам бинокль и проследила за тем, как аисты изменили направление, потом еще раз и еще, не меняя при этом строя: так и продолжали плавно скользить в подхватившем их потоке воздуха. Этот треугольник напомнил ей кружащую стайку летучих рыб – то, как, словно испугавшись, дружно выныривали они на поверхность, двигаясь все в одном направлении, двигаясь параллельно друг другу, появлялись порой в Зоне Икс со дна океана там, где их не ждали.

Интересно, глядя на нее сверху вниз, понимают ли аисты, что они видят? И не докладывают ли потом кому-то или чему-то? На протяжении двух ночей она чувствовала, как животные собираются неподалеку от их костра, словно тупые, бездумные органы чувств Зоны Икс. Контроль торопился, словно цель их путешествия что-то значила, ей же хотелось собрать как можно больше данных.

С того момента, когда они вышли на пляж, между ними возникло недопонимание – безмолвный спор шел о том, кто здесь главный, – и в итоге он вернулся к старому имени,

попросив вновь называть его Контролем, а не Джоном. Она отнеслась к его просьбе с уважением. Раковины некоторых животных имеют первостепенное значение для их выживания. Без них этим животным долго не протянуть.

Его дезориентация усугублялась лихорадкой и тем, что она про себя называла «ясность» – чувством, что Зона ассимилирует тебя, что вскоре ты перестанешь быть собой. Так что, наверное, она понимала, почему он по уши зарывался в свои «терруарные»^[3] записи, почему лгал, что хочет найти ответы, в то время как ей было совершенно ясно – он просто цепляется за нечто знакомое, чтобы хоть как-то продержаться.

В самый первый день она спросила его: «Кем я буду для тебя, когда мы вернемся в обычный мир? Где ты займешься своей прежней работой, а я своей?» Он не ответил, но она догадалась и без слов: там она останется для него подозреваемой, врагом истины. Но кем они доводятся друг другу здесь?

Ей хотелось улучшить подходящий момент, обратиться к нему и завести разговор по душам, возможно даже спровоцировать конфликт. Может, прямо сейчас? Но тут она посмотрела влево и увидела за зарослями камыша оранжевую вспышку.

Должно быть, она просто окаменела или же как-то иначе выдала себя, потому что Контроль тотчас спросил:

– Что не так? Что-то случилось?

– Да нет, вроде бы ничего особенного, – ответила она.

И через секунду снова увидела что-то оранжевое – какую-то полоску, ленточку, привязанную к стеблю камыша, который раскачивался от ветра футах в трехстах посреди камышового океана, колышущегося над коварной трясинной. Видимо, там находилось какое-то углубление, но густые камышовые заросли не давали возможности разглядеть его отсюда.

Она протянула ему бинокль.

– Вон, видишь?

– Да. Это... отметка топографа, – невозмутимо произнес он.

– Ну да, конечно, – заметила она и тут же пожалела о своих словах.

– Ладно. Пусть будет «похоже» на отметку топографа. – Он отдал ей бинокль. – Чтобы добраться до острова, надо держаться этой тропы.

Наконец-то он произнес это слово, «остров», с искренней неприязнью к невысказанной идее, что им стоит исследовать этот жалкий клочок земли.

– Ты можешь остаться здесь, – заметила она, понимая, что он ни за что не останется. Понимая, как ей самой хотелось бы отстать и побыть с Зоной Икс наедине.

А впрочем, действительно ли они здесь одни?

* * *

Еще долго после того, как Кукушка проснулась на пустой стоянке, после того, как ее отправили в Южный предел для допросов, ей казалось, что она мертва, что находится в чистилище, хотя в загробную жизнь она никогда не верила. Это ощущение не покидало ее даже после того, как она поняла, что неведомо каким путем вернулась через границу в нормальный мир... и что она не настоящий биолог из двенадцатой экспедиции, а всего лишь ее копия.

Во время допросов она признавалась Контролю: «там было тихо и так пусто... так что я

ждала там, боясь уйти, боясь, что должна находиться там по какой-то причине».

Что, впрочем, не охватывало всего спектра ее мыслей и ощущений. Вопрос состоял не в том, жива ли она на самом деле, а в том, *кто* она такая. Ей было трудно думать об этом, сидя под замком в Южном пределе. Позже возникло ощущение, что ее воспоминания принадлежат не ей, что она получила их от кого-то другого, но не могла понять, был ли это результат каких-то экспериментов в Южном пределе или последствия визита в Зону Икс. Даже во время трудного побега из Центра ее не покидало ощущение, что это всего лишь *проекция*, что это происходит с кем-то другим, что она лишь промежуточное состояние чего-то иного. Наверное, именно это ощущение отстраненности и помогло ей избегать поимки, добавив рассудительности и абсолютного спокойствия всем ее действиям. Добравшись до бухты Рок, которую так хорошо знала биолог, существовавшая до нее, она немного успокоилась, позволив окружающему миру дать ей новое определение, разделить на мельчайшие частицы и собрать заново.

И только когда они прорвались в Зону Икс, ей удалось победить свое волнение и ощущение полной никчемности. Нет, на секунду-другую она запаниковала, когда волны накатили на нее, завертели, когда показалось, что сейчас она пойдет ко дну. Но затем что-то *включилось* или вернулось, и, взбунтовавшись против собственной смерти, она отдалась торжеству стихии, в яростном иступлении пробиваясь сквозь толщу воды – истерически-радостный комок биомассы, – словно доказывая, что она никакой не биолог, а новое существо, которое хочет и может выжить, отбросив страх, твердивший, что сейчас она утонет, точно он принадлежал не ей, а кому-то другому.

А позже, делая искусственное дыхание Контролю прямо на песке, вдруг поняла: вот неоспоримое доказательство ее независимости. Равно как и стремление направиться к острову, а не к маяку. «Туда, куда отправилась бы биолог, пойду и я». Ощущение собственной правоты, *истинности* давало надежду, несмотря на ощущение, что все ее воспоминания подсмотрены сквозь окно в жизнь другого человека. Не пережиты. По крайней мере пока. «Ты хочешь прожить собственную жизнь, потому что сейчас у тебя ее нет», – сказал ей Контроль, но это было слишком грубо.

С тех пор нового опыта удалось приобрести немного. На протяжении целых трех дней пешего пути из-за горизонта не показывалось ничего ужасного или необычного. Нельзя сказать, чтоб и окрестности выглядели как-то неестественно, если не считать поразительной гиперреалистичности пейзажа, невидимых глазу процессов, скрытых под его поверхностью. Иногда в сумерках ей являлся образ морской звезды из воспоминаний биолога – она подплывала, испуская слабое свечение, и влекла за собой, точно компас в голове, – в такие моменты она вновь и вновь убеждалась, что Контроль не чувствует в Зоне Икс того, что чувствует она. Ясность покинула Кукушку, но на смену ей пришло нечто иное.

– Контрастная расцветка, – сказала она Контролю, когда тот вслух удивился тому, насколько обычной выглядит Зона Икс, и пояснила: – Ты смотришь на предмет или существо и не видишь его. Взять, к примеру, оперение поганки. Глядя сверху, непременно ее заметишь. А если смотреть снизу, особенно когда она плывет по воде, поганка практически невидима.

– Поганка?

– Птица такая. – Снова птица.

– Значит, все это маскировка? – Он произнес эти слова недоверчиво, словно вокруг творилось недостаточно странностей. Кукушке даже стало его жалко, ведь он не был виноват в своей непонятливости.

– Ты ведь никогда не видел экосистему, которая не была бы больна или дисфункциональна, верно? Может быть, тебе казалось, что это так, но ты ошибался. Так что тебе неоткуда знать, что естественно, а что нет.

Впрочем, этот ареал и сам был совершенно неестественным.

Она цеплялась за свое превосходство – ей не хотелось снова спорить о том, куда надо идти. Настояв, что надо направиться к острову, она тем самым защищала не только свою жизнь, но и его тоже, по крайней мере так ей казалось. Кукушке не хотелось доходить до крайности, очертя голову штурмовать позиции противника, а что-то в поведении Контроля подсказывало, что он мог подумывать именно об этом. Она же была поглощена одной задачей – познать себя и Зону Икс.

* * *

От света в этом месте деваться было просто некуда, он был так ярок и в то же время отдален, что казался нереальным. И грязь, и вода, и бесчисленные каналы, и отраженные в них камышовые заросли вырисовывались с особой отчетливостью. От этого света Кукушке казалось, что она не идет, а скользит, потому что она не могла разглядеть свои следы. Этот свет восстанавливал в ней запасы спокойствия. Он проникал всюду, высвечивая такие стороны предметов, о которых Контроль едва ли догадывался, а потом отступал, позволяя вещам существовать отдельно от него.

Этот же свет мешал им идти. Они медленно продвигались по болоту, палками ощупывая коварную грязь перед собой, продираясь сквозь камышовые заросли, которые поднимались им навстречу, казалось, непроницаемой стеной. Однажды арама^[4], пятнисто-коричневая и почти невидимая на фоне камышей, так тихо и резко взметнулась вдруг из зарослей прямо рядом с ними, что Кукушка испугалась едва ли не больше, чем Контроль.

Но вот наконец они добрались до ленточки, привязанной к стеблю, и увидели под ним желтоватый холмик черепа, наполовину утонувший в грязи.

– Что это, черт побери? – спросил Контроль.

– Мертвец, – ответила она. – Его можно не бояться.

Она давно заметила, что этот мужчина как-то слишком нервно реагирует на самые обычные, на ее взгляд, вещи. Слишком пуглив или же имел в прошлом травмировавший его опыт.

И еще она прекрасно знала, что это такое. Из грязи выступали останки уродливого черепа, а также отбеленная временем и ветрами лицевая маска, смотревшая на них пустыми незрячими глазницами, в которых кишели личинки и черви.

– Стонущее создание, – сказала она. – Мы постоянно слышали его стоны в сумерках.

То самое существо, что гналось за биологом в зарослях.

Плоть давно отслоилась, сползла с костей, смешалась с почвой. Остался лишь скелет, похожий на жуткий гибрид гигантской свиньи или слизня с человеком, – из-под крупных ребер торчали более мелкие, отчего останки грудной клетки напоминали люстру из кошмарного сна. Большие берцовые кости заканчивались странной формы шишковатыми хрящами, над которыми потрудились птицы, койоты и крысы.

– Давненько здесь лежит, – заметил Контроль.

– Да уж.

Слишком давно. По коже пробежали мурашки, она стала настороженно всматриваться в даль, озираться по сторонам: возможно, скелет – это ловушка. Всего восемнадцать месяцев назад это существо было живо, и вот теперь разложилось до почти полной неузнаваемости, сохранились лишь часть черепа и лицо, по которым можно было бы провести опознание. Даже если это создание, в которое трансформировался психолог из, по словам Контроля, «последней из одиннадцатых экспедиций», погибло сразу после того, как было обнаружено биологом... все равно скорость разложения была неестественно быстрой.

Контроль не поддержал разговор, и она не стала делиться с ним этими своими соображениями. Он просто расхаживал вокруг скелета, не сводя с него глаз.

– А ведь был когда-то живым человеком, – заметил он. Кукушка не ответила, и он повторил.

– Возможно. А может быть, неудачный двойник.

Саму себя, в отличие от этого создания, она была не склонна считать неудавшимся двойником. У нее были цель, решимость и воля.

К тому же копия вполне может превзойти оригинал, избежать старых ошибок, создать новую реальность.

* * *

– Все твое прошлое у меня в голове, – сказал он, как только они ушли с пляжа, предлагая обменяться информацией. – Я могу вернуть его тебе.

Это стало уже неизменным рефреном, не стоящим того, чтобы его обсуждать.

– Оно мне больше не нужно, – ответила она с некоторым отвращением от того, что это пришлось говорить вслух. – Что мне нужно, так это знать, что Южный предел утаивал от биолога до начала экспедиции.

«Что мне нужно, так это знать, считать ли тебя своим врагом».

Итак, Контроль двинулся по тропе первым, и хотя Кукушка подозревала, что он все же чего-то недоговаривает, настойчивость, даже страстность, прозвучавшие в голосе, позволяли надеяться, что говорил он искренне. Правда, порой в словах его слышался некий жалостливый подтекст – она прекрасно понимала, откуда он взялся, но предпочла его игнорировать. Она помнила эти интонации еще с тех дней, когда он навещал ее в тесной клетушке в Южном пределе.

Когда он сказал ей, что психолог из двенадцатой экспедиции была предыдущим директором Южного предела и возлагала особые надежды на биолога как на некий свой специальный проект, Кукушка расхохоталась. И где-то в глубине души вдруг ощутила сочувствие, даже симпатию к психологу, вспоминая перепалки, то и дело вспыхивавшие между ними во время первых ознакомительных бесед. Эта коварная и изворотливая психолог/директриса пыталась завоевать столь обширное и неведомое пространство, как Зона Икс, с помощью столь тупого и примитивного инструмента, как биолог. Как сама она. Похоже, что крапивник, вдруг резко выпорхнувший из зарослей, разделял ее мнение.

– Возможно, директриса и заблуждалась насчет биолога, но, быть может, ответ – только ты. – В его голосе была доля сарказма, но лишь доля.

– Я не ответ, – тут же парировала она. – Я вопрос.

А еще, возможно, некое олицетворенное послание, сигнал во плоти, пусть даже пока

что она еще не представляет, какую историю должна поведать.

– Мне жаль, что в Южном пределе тебе лгали, – сказал он, не в силах выдавить из себя «прости, что я тебе лгал». Она не могла его в этом винить. Ей больше не было дела до этой лжи, и даже до судьбы первой экспедиции. Ее заботило лишь одно: как эти новые фрагменты головоломки могут вписаться в ее представление о Зоне Икс, помочь ей понять, что же это такое.

Когда наступил ее черед, она призналась, что теперь вспомнила все, вплоть до того момента, когда Слизень, живший в туннеле/башне, начал ее сканировать, расщеплять на атомы или репродуцировать. Она рассказала о моменте своего сотворения – который, возможно, был одновременно моментом смерти биолога. Но когда она принялась описывать Слизня и то, как сквозь многослойные мифы этой конструкции начало просвечивать лицо зрителя маяка, то увидела недоверие Контроля легко, словно он был прозрачным, как глубоководная рыба. Хотя после всех невозможных вещей, свидетелем которых он уже стал, чего стоила еще парочка?

Он задавал примерно те же вопросы, которые в той или иной форме задавали биолог, топограф, антрополог и психолог во время двенадцатой экспедиции.

Это вызывало тревожное чувство раздвоения, заставлявшее ее снова и снова спорить саму с собой. Временами она не соглашалась с собственными решениями – решениями биолога. Например: почему ее другое «я» так беспечно обошлось со словами на стене? Почему она не потребовала у психолога объяснений, как только узнала о гипнозе? Зачем она полезла на поиски Слизня? Некоторые из этих вещей Кукушка могла простить биологу или задним числом оценить ее правоту, но другие не давали покоя, терзали, словно упущенные возможности, и от этого она приходила в ярость – еще и потому, что была не уверена в собственной правоте. Ей хотелось бы занять немного скепсиса у топографа – женщины, к которой она питала куда больше уважения, чем к биологу.

Мужа биолога она отвергла сразу, без сомнения: он ассоциировался у нее только с одиночеством, которое испытывают жители больших городов. Биолог была замужем, но не Кукушка. Она была свободна от обязательств и искренне не понимала, зачем ее двойнику понадобилось связывать себя брачными узами. Это было одним из недопониманий между ней и Контролем: ей пришлось ясно дать ему понять, что ее стремление получить собственный, лично пережитый опыт не распространялось на их отношения, что бы он о ней ни думал. Она не могла просто взять и заняться с ним чем-то физическим, механическим, чтобы заменить ложные воспоминания реальными. У нее из головы не выходил образ мужа, вернувшегося домой без памяти. Любой компромисс в этой области лишь причинил бы им обоим боль. Это даже не подлежало обсуждению.

Стоя перед скелетом стонущего существа, Контроль сказал:

– Выходит, и я могу закончить так же? Или какая-то моя версия?

– Всех нас ждет один и тот же конец, Контроль. Рано или поздно.

Впрочем, не совсем, потому что в глазницах, утопленных в гниющей кости, все еще читался слабый намек на ясность, некое подобие жизни – безмолвный вопрос, обращенный к ней, который она отвергла, а Контроль просто не ощутил. Зона Икс взирала на нее сквозь эти пустые глазницы, словно анализировала, рассматривала со всех сторон. И от этого она почувствовала себя слабым контуром, существующим лишь благодаря направленному на нее вниманию, движущимся лишь потому, что ее заставляла двигаться та сила, что удерживала вместе атомы ее тела. И вместе с тем направленный на нее невидимый взгляд отчего-то

казался знакомым.

И еще она размышляла о том, что видела во время путешествия в Зону Икс, о том, как ей вдруг показалось, что по обе стороны от них нет ничего, кроме ужасных почерневших руин огромных городов и больших кораблей, выброшенных на берег, освещенных ревущим красно-оранжевым пламенем, отбрасывающим тени, скрывающие жалобно скулящих существ вдали, ползающих и скачущих среди пепла. О том, как она пыталась не слушать сбивчивые исповеди Контроля, шокирующие фразы, которые он выпаливал почти неосознанно, наверное, с целью убедить, что у него нет тайн, которых она бы не знала. *Бери пушку... Расскажи мне шутку... Это я убил ее, моя вина...* Он нашептывал эти гипнотические заклинания прямо ей в ухо, стараясь заглушить не только свой голос, но и скрыть весь этот ужас вокруг.

Лежавший перед ними скелет был обглодан дочиства. Бесцветные кости гнили, кончики ребер уже стали мягкими от влаги, большинство были сломаны, и фрагменты их утонули в грязи.

А в небе над головой продолжали плыть и кружить в сложном синхронном танце аисты – и зрелище это было прекрасней всего, что могла создать человеческая мысль.

По выходным твоим прибежищем становится заведение Чиппера, бар «Звездные дорожки», где ты уже не директор Южного предела, а просто один из посетителей. Заведение находится у магистрали в отдалении от Бликерсвилля, всего в шаге от того места, где кончается шоссе и начинается грунтовик. Люди Джима Лаури из Центра могут знать это место, могут следить и подслушивать, но никого из Южного предела ты здесь не встречала ни разу. Даже Грейс Стивенсон, твоя заместительница, не знает о нем. Для маскировки ты надеваешь футболку с логотипом местной строительной компании или рекламой какой-нибудь благотворительной акции, к примеру, конкурса по приготовлению чили, старые потрепанные джинсы, сохранившиеся еще с тех времен, когда ты была толстой, и бейсболку с рекламой твоего любимого гриль-бара.

Ты захаживаешь туда поиграть в боулинг, как когда-то в детстве, с отцом, но сначала в одиночестве гоняешь клюшкой мячик на раздолбанном, но все еще пригодном поле для мини-гольфа «Приключения на сафари». Львы у девятой лунки дремлют, сбившись в кучу, пластик, из которого они сделаны, облез и обуглился дочерна по краям после какого-то давнего бедствия. У огромного гиппопотама, отмечающего конец поля, неестественно изящные лодыжки, краска на боках местами облезла, и сквозь нее просвечивает кроваво-красный фон, словно создатели этого чуда природы старались придать ему самый устрашающий вид.

Ну а после тыходишь в помещение и играешь несколько партий в боулинг, присоединяясь к какой-нибудь случайно собравшейся команде, где не хватает четвертого игрока, под нарисованной на потолке потускневшей Вселенной – вот Земля, а вот Юпитер, а дальше темно-пурпурная туманность с алым центром, и все это освещено нелепым лазер-шоу. Тебя хватается на четыре или пять партий, выигрыш редко составляет больше двух сотен. После этого ты присаживаешься в темном уютном баре, расположенном в самом дальнем уголке, подальше от запаха грязных носков, куда лишь приглушенно доносится рокот шаров, катящихся по дорожкам. Местечко это расположено слишком близко к Зоне Икс, но этого пока что никто не знает, и эти сведения отпугивают посетителей не быстрее, чем в последние три десятка лет.

Заведение Чиппера привлекает по большей части самых верных и стойких посетителей, потому что это настоящая дыра, с потолком, обитым темным фетром и украшенным чем-то, что должно было изображать звезды. На самом деле прибитые к нему металлические шпуквины, больше походившие на шерифские звезды из старых вестернов, давным-давно проржавели, и теперь темная поверхность испещрена крошечными красновато-коричневыми морскими звездами. В углу светится знак, приглашающий заглянуть в комнату для отдыха. В этом помещении стоит с полдюжины круглых деревянных столов и стульев с обивкой из черной искусственной кожи, выглядящих так, точно их давным-давно украли из семейного ресторана.

Большинство из твоих товарищей в баре внимательно следят за спортом, сочащимся с экрана молчаливого телевизора, в нижней части которого бегут титры; старый зеленый ковер, прилегающий к стенам, впитывает и без того приглушенную болтовню. Посетители здесь по большей части люди безвредные, шумят редко, в том числе и Риелтор, девушка, возомнившая себя всезнайкой, но зато всегда готовая рассказать какую-нибудь хорошую

историю. Хаживает сюда и невысокий старик лет семидесяти с седой бородой – всегда маячит в самом конце стойки и попивает светлое пиво. Он ветеран какой-то там войны, по большей части молчит, но порой проявляет дружелюбие.

Твоя личина психолога смотрелась бы здесь не к месту, и ты стараешься не использовать ее. Каждому, кто интересуется, ты говоришь, что работаешь дальнобойщиком и сейчас у тебя перерыв между поездками, а потом присасываешься к пивной бутылке, чтоб положить конец дальнейшим расспросам. Местные легко этому верят: возможно, этот род занятий кажется им вполне приемлемым для женщины такого роста и крепкого телосложения. Но довольно часто этими вечерами ты сама начинаешь верить в то, что работаешь дальнобойщиком и что собравшиеся здесь люди почти что твои приятели.

Риелтор утверждает, что старик с бородкой никакой не ветеран, просто «алкоголик, ищущий сочувствия», но видно, что сочувствия к нему она не лишена. «Как раз собирался выйти из игры» – любимая фраза ветерана. И еще одна: «Как бы не так, черт побери». Остальные завсегдатаи – медсестры из службы «Скорой», пара механиков, парикмахерша, несколько служащих гостиницы и офисных менеджеров. Отец называл их «людьми, которым не позволено заглядывать за занавес». Изучать их, равно как и постоянно меняющихся барменов, нет смысла, потому что от них ничего не зависит. У Чиппера никогда не говорят ничего крамольного, а сама ты никогда не пускаешься в откровения.

Но иногда вечерами, когда ты засиживаешься допоздна, а толпа у стойки изрядно редет, ты записываешь на салфетке или подставке для бокала пару моментов, которые нельзя оставлять без внимания – бесконечные, ставящие в тупик вопросы, которыми засыпает тебя Уитби Аллен, эксперт по холистическому изучению биосфер, работающий под началом Майка Чейни, чрезмерно жизнерадостного главы научного подразделения. Ты никогда не напрашивалась на эти вопросы, но это не останавливает Уитби, у которого в голове словно пылает пожар, и погасить его можно, лишь засыпав вопросами, которые сам он время от времени подкидывает эксперту. «Что вне пределов границы, когда ты находишься внутри ее?», «Что вообще такое, эта граница, когда ты внутри?», «Что представляет собой граница, когда кто-то находится вне ее пределов?», «Почему человек, находящийся внутри, не видит человека, находящегося снаружи?».

«Мои утверждения не лучше моих вопросов, – как-то раз признавался Уитби, – но если хочешь пройти более простым путем, ступай и проверь, какие блюда подают в хижине дяди Чейни».

Идеи Уитби подкрепляет весьма впечатляющий документ, помещенный в блестящую папку из непрозрачного пластика. Она скреплена тремя новенькими черными кольцами, дырочки пробиты с невиданной аккуратностью, ни единой опечатки на всех двенадцати страницах, с безупречным титульным листом, словом, настоящий шедевр, озаглавленный: «Комбинированные теории: комплексный подход».

Сам этот отчет такой же блестящий, умный и стремительный, как и сам Уитби. Вопросы, которые он поднимает, рекомендации, которые дает, все это не слишком тонко намекает, что, по мнению Уитби, эффективность Южного предела оставляет желать лучшего и что сам Уитби справился бы куда лучше, если бы ему только дали шанс. Тут есть над чем подумать, особенно если учесть, что научный отдел отсиживается в засаде и время от времени отстреливается невразумительными записками в его адрес. «Предположения в поисках доказательств, тут следовало бы вернуться к истокам или внимательнее посмотреть по сторонам». А может, поискать в собственной заднице, вдруг они там?

Но сама ты воспринимаешь эти теории со всей серьезностью, в особенности список «условий, необходимых для существования Зоны Икс». Он гласил:

- изолированное место
- инертный, но неустойчивый спусковой крючок
- катализатор для приведения спускового крючка в действие
- элемент удачи или случайности в зависимости от того, где размещен спусковой крючок
- контекст, которого мы не понимаем
- отношение к энергии, которая нам не ясна
- подход к языку, которого мы не понимаем

– Ну и что там у нас дальше? – спрашивает Чейни на одном из закрытых заседаний. – Тщательное изучение чудес, которые демонстрировали святые, необъяснимые явления глобального масштаба, двухголовые телята, предсказывающие апокалипсис? Что-то в этом роде?

Уитби к тому времени превратился в яростного спорщика, обожающего доводить разговор до точки кипения, бросающего реплики, которые, как он знал, не просто достанут этого козла Чейни, но позволят загнать его в угол, зарезать, а потом поджарить на шампуре. Он сказал:

– Функционирует она подобно живому организму. Как кожа, с миллионом жадных маленьких ртов вместо клеток или пор. И вопрос не в том, *что* она собой представляет, но в мотиве. Вдумайтесь. Зона Икс – это убийца, которого мы пытаемся поймать.

– О, грандиозно! Просто замечательно! Теперь у нас в штате есть еще и детектив, – бормочет Чейни, пока ты обмениваешься с ним крепким рукопожатием, а Грейс мучительно пытается выдавить улыбку. Потому что на самом деле именно ты посоветовала Уитби действовать подобно детективу в попытке «мыслить вне рамок, принятых в Южном пределе».

Какое-то время с помощью Уитби твои стрелы попадают прямо в цель. Что, впрочем, не означает, что ты не достигла определенных успехов в самом начале. Ведь именно под твоим присмотром осуществлялись настоящие прорывы в оборудовании экспедиции. Приобретались специальные микроскопы для полевых работ, а также виды оружия, не приводящие в действие защитные механизмы Зоны Икс. Все чаще посланные в экспедицию группы возвращались целыми и невредимыми. Этому способствовали трюки, которым ты научилась, постоянно живя в маске, – хитроумные методы превращения людей в функции.

Ты отмечаешь на карте прогресс рекультивации окружающей среды в Зоне Икс, начинаешь представлять себе ее параметры, даже готовить циклы экспедиций, состоящих из людей со сходными параметрами. Возможно, ты не всегда контролируешь эти критерии, но через некоторое время все сходится на том, что ситуация стабилизировалась и новости эти вселяют оптимизм. Блестящее серебряное яйцо, которое ты представляешь, думая о Центре – эти цельные высокоинтеллектуальные твои размышления, столь превратно понимаемые твоим начальством, – гудит, и урчит, и пульсирует, купая тебя в лучах одобрения... Даже несмотря на подспудное презрение к Южному пределу, сотрудники которого своими жалкими мозгами из плоти и крови оскверняют блестящий, элегантный алгоритм, сокрытый

в глубинах Центра.

Но годы идут, влияние Лаури становится все более разрушительным, а решения все не видать. Данные, добытые в Зоне Икс, лишь дублируют друг друга, скудеют или, по выражению Уитби, «не дают себя интерпретировать», теории множатся, но не подтверждаются доказательствами. «Нам не хватает аналогов», – жалуются лингвисты.

Грейс начинает дразнить их «блингвистами», поскольку они ошибаются, срывают сроки и, как говорилось в мрачной шутке, «валяются в канаве у дороги, которая, словно язык в пословице, завязалась узлом и прихватила их с собой». Зона Икс мучила воду. Им было не под силу понять ни эту муть, ни этот узел, ни эту канаву. Сама жалоба на то, что «им не хватает аналогов», была диагнозом выгорания, словно лингвисты возвращались из Зоны Икс, как из космоса, и сгорали в плотных слоях земной атмосферы. Это напоминает тебе обо всех мертвых и умирающих спутниках, брошенных в координаты над Зоной Икс, потому что так от них было проще всего избавиться, потому что в бесследном исчезновении космического мусора был, по крайней мере, какой-то извращенный смысл, даже несмотря на то что превращение Зоны Икс в своего рода свалку небесного хлама было знаком неуважения, который мог рассердить капризное божество. Впрочем, Зона Икс никогда и ни на что не отвечала, даже на такое оскорбление.

Основная проблема состоит не в лингвистах и даже не в Центре. Главная проблема – это Лаури, потому что он хранит твою тайну, а взамен ты должна давать ему все, что он пожелает, в разумных пределах, конечно. Лаури инвестировал кровь и пот других людей в идею экспедиций, основываясь на предположении, что граница – это непреодолимый барьер, а значит, сам он находится в безопасности, по ту сторону, где всё в порядке. В то время как Уитби старается разрушить стену традиционных представлений: «Говоря о границе, важно понимать, что это всего лишь условное *ограничение* Зоны Икс». Да какая разница?

Лично тебе кажется важным другое: правда, содержащаяся в слухах о жестокости Лаури, который, едва попав в Центр, принялся выстраивать нечто вроде звуконепроницаемой мастерской. Слухи доносятся до тебя год за годом, далекие, но вполне различимые, словно перезвон колокольцев, разносящийся по темному, густому лесу. Манящий звук, обещающий все блага цивилизации, но когда заблудший доходит до конца тропы, то видит лишь бойню, заваленную трупами. И доказательством служит факт, что Лаури так легко взял верх над Питманом, твоим номинальным боссом в Центре, и теперь давит на тебя, требуя результатов.

Неким непостижимым образом ты вдруг понимаешь, что подход Лаури заключается в том, чтобы держать Южный предел как можно дальше от ответов. Он похож на астронавта, улетающего в пустоту необъятного космоса и, размахивая руками, лишь приближающего момент, когда спасти его станет уже невозможно. Хуже того, вспоминая безо всякой ностальгии те полные стресса дни, когда ты работала психологом, возвращаясь к приобретенному в то время образу мысли, ты понимаешь, что Лаури обрек себя на поиск новых и новых способов вновь пережить свой кошмарный опыт в Зоне Икс, так чтобы никогда не обрести свободу, с каждой попыткой избавиться от прошлого, лишь крепче прижимаясь к нему.

Ко времени, когда начался одиннадцатый цикл экспедиций, ты чувствовала себя полностью вымотанной. Планы Центра начали меняться – прежний поток нового персонала, денег и оборудования превратился в жалкий ручеек.словно в Южном пределе занимались

мелкими болячками, в то время как основная доля финансирования шла на борьбу с местным терроризмом и сокрытие свидетельств надвигающейся экологической катастрофы.

И вот после долгих дней отсутствия ты возвращаешься в дом в Бликерсвилле, ненадежное убежище. Тебя преследуют призраки, сидят на диване, заглядывают в окна. В самые неподходящие моменты – во время общего собрания, когда ты сидишь за ленчем с Грейс в кафетерии или осматриваешь свой кабинет в поисках свежих жучков, поставленных службой безопасности Центра, – в голову лезут самые противные мысли. Что все твои труды и старания напрасны, что ни к чему они не приведут. Каждая экспедиция словно давит на тебя своим весом.

– Я мог бы стать директором, – похвастался однажды Лаури, – но я вовремя услышал звоночек и понял намек.

Ты знаешь, что это за звоночек – страх, навечно поселившийся в его голове, но сам Лаури никогда в этом не признается. В тоне, которым он тебя подбадривает, звучит темная ирония, словно Лаури знает, что снова и снова требует невозможного.

Ты все время беспокоишься, вечно пребываешь в каком-то лихорадочном состоянии, боишься, что кто-то в Южном пределе или Центре узнает твою тайну, – ведь Лаури не может вечно утаивать информацию, зато может проболтаться, если решит, что пора от тебя избавиться. Соображения безопасности. Лгунья. Слишком эмоционально вовлечена в работу. И однако, наибольшее недоверие вызывает твоя способность к состраданию, которую ты стараешься скрыть в общении со всеми, кроме, пожалуй, Грейс. Ты всегда холодна, отстранена, даже груба, думаешь, что тогда тебя будут считать ясно мыслящим и объективным ученым. Пусть даже играя эту роль, ты действительно становишься холодна, отстранена и груба.

В Южном пределе ты известна под именем Синтия, но тридцать лет назад тебя звали Глория и жила ты на Забытом берегу, изучала скалы возле маяка, беседовала с мужчиной по имени Саул Эванс.

* * *

Прибежищем тебе служит крыша здания Южного предела, защищенная от любопытных взглядов ненадежными на вид перилами и переходными мостиками, полукружьями крыши. Ты владеешь этим местом безраздельно, сокращенно Б/Р, зимой это превращается в «Б-р-р», или «Р-р-р», так рычат медведи, а потому и зимой, и летом можно называть его «Бер-р-лога». Ну или еще «Бар», когда после работы ты ускользаешь сюда, прихватив выпивку.

Ты делишь это священное местечко лишь с одним человеком. С Грейс. Ты обсуждаешь с ней мысли, которые приходят тебе в «Звездных дорожках», и просто всякую хрень, пользуясь тем, что ключи есть только у тебя, Грейс и сторожа. Много раз тебя пытались выследить, но ты испарялась, а затем незаметно для них возникла снова, на крыше, в своем Б/Р.

Именно здесь, глядя сверху вниз на доисторические болота, мили темного соснового бара, вы с Грейс придумали все эти названия и прозвища. Границу вы называли «рвом», проход через нее – «парадной дверью», хотя обе надеялись отыскать «черный ход», или «потайную дверцу». Туннель, или топографическая аномалия в Зоне Икс, называлась у вас «Эль Тупо» – в честь психоделического фильма^[5], который Грейс как-то раз смотрела со своей девушкой.

Все это довольно глупо, но в те моменты кажется смешным, особенно когда ты захватываешь с собой бутылку бренди, или Грейс приносит сигареты с ароматом вишни и вы сидите в шезлонгах, устраивая мозговые штурмы или обсуждая планы на ближайшие выходные. Грейс знает о твоих визитах к Чипперу, а ты знаешь о ее походах на каноэ с друзьями – «помешана на гребле». Тебе не приходится предупреждать ее, чтобы та не появлялась у Чиппера, и ты не напрашиваешься в ее походы. Дружба ваша ограничена длиной и шириной крыши Южного предела.

Именно там, на крыше, ты впервые делишься с Грейс идеей проникнуть через границу в Зону Икс. Со временем это стало чем-то большим, нежели просто идеей, – мысль укреплялась в сознании, ширилась, пускала метастазы, даже получила кодовое название: «прогулка с Уитби». Тем более что десятый и одиннадцатый циклы экспедиций стабилизировались: больше никаких несчастных случаев, как, впрочем, и ответов на вопросы.

Взять с собой Грейс ты не можешь, хотя и нуждаешься в ее советах. Если что-то пойдет не так, покатаются обе ваши головы, а ты никогда не считала, что у Грейс хватит на это силы духа – уж слишком много у нее связей с обычным миром. Дети. Сестры. Бывший муж. Девушка. Именно Грейс ты шутливо называешь «Своим внешним нравственным компасом»: она лучше тебя знает, где проходят границы. «Слишком нормальная», – как-то раз записала ты на салфетке.

– Почему ты позволяешь Лаури помыкать тобой? – однажды днем спрашивает тебя на крыше Грейс, когда ты заводишь о нем речь. Ты уклоняешься от ответа. Лаури не является твоим непосредственным начальником, он будто слог в неточной рифме: не на своем месте, но все равно сохраняет контроль. Грейс любопытно знает, как Лаури зацепился в Центре, какими крючками он цепляет тебя, но это тебе удастся от нее скрыть.

Ты напоминаешь Грейс, что есть часть королевства, которое контролируешь *ты*, область, на которую влияние Лаури не распространяется: результаты экспедиций в Зону Икс. Все они обрабатываются в Южном пределе, так что когда последняя экспедиция одиннадцатого цикла вернулась с пустыми руками, если не считать каких-то расплывчатых фотографий, оставленных у базового лагеря людьми из предшествующей экспедиции, или, возможно, даже раньше, ты забрала их и рассматривала часами. Какое-то скопление теней на черном фоне. Что это, стена? Почему эти снимки напомнили тебе о другой фотографии из другой экспедиции? И ты достала все фотографии, сделанные в «Эль Тупо». Все тринадцать, и да, эти новые тоже могли быть сделаны внутри тоннеля. Эта тень, это расплывчатое очертание лица... почему оно кажется таким знакомым? Будет ли ошибкой счесть, что они что-то означают?

Рассказывая Грейс о своем простом плане, показывая ей часть свидетельств, ты ставишь на то, что Грейс тебя не выдаст, ничего не сообщит в Центр, но ты понимаешь, что она может это сделать просто из уважения к правилам. Потому что за всеми твоими резонами, всеми твоими данными стоит, возможно, одна-единственная вещь: усталость от мерзкого чувства где-то в глубине желудка, возникающего всякий раз, когда экспедиция не возвращается, или назад приходит только половина, или приходят все, но с пустыми руками. Эту парадигму нужно как-то менять.

– Я только пробежусь до «Эль Тупо» и сразу обратно. Никто никогда не узнает. – Впрочем, Лаури может. Что он сделает, если узнает, что ты посмела пересечь границу без его разрешения? Будешь ли ты единственной мишенью его гнева?

После паузы Грейс спрашивает:

– Чем я могу помочь? – Она понимает, насколько это важно и что ты все равно сделаешь это, с ее помощью или без.

Ее следующий вопрос:

– Думаешь, ты сможешь убедить Уитби?

– Думаю, да, – отвечаешь ты, и во взгляде Грейс отражается скепсис.

Но Уитби не проблема. Уитби сгорает от нетерпения, как терьер, рвущийся на прогулку. Уитби страшно хочется хоть на время покинуть стены научного отдела. Уитби поддерживает твоё намерение, цитируя данные о выживаемости среди участников последних экспедиций. Уитби просто пылает энтузиазмом и в таком восторге от перспективы, что ты почти забываешь о том, насколько опасна эта затея.

И это облегчение, поскольку в прошлые выходные, болтая с Риелтором, ты вдруг поняла, как боишься идти одна. Поняла, следя за футбольным матчем, который показывали по телевизору в баре, на экране под темным небом с ржавыми звездами, что, если бы Уитби не согласился, ты отменила бы эту авантюру.

* * *

Проходя через дверь на пути к Зоне Икс, ты ощущаешь страшное давление, словно некая сила сгибает тебя пополам; видишь черный горизонт с целой россыпью падающих звезд, и их сверкающие хвосты так ярко расцветивают ненастоящее небо, что ты щуришься, боишься ослепнуть, взирая на этот искрящийся небесный факел. Тебя шатает, возникает отвратительное чувство головокружения, но всякий раз, когда тебя бросает то в одну сторону, то в другую, некая неведомая сила заставляет вернуться к центру, словно края этой дороги ближе, чем кажутся, и находятся под более острым углом. И мысль то работает с бешеной скоростью, то замедляется, точно что-то вклинивается, прошивает мозг насквозь, а вот что именно – определить никак не удастся. Инстинкт подсказывает остановиться, просто встать здесь, в коридоре между реальным миром и Зоной Икс, и не сдвигаться с места целую вечность.

Загипнотизированный Уитби плетется рядом, глаза закрыты, лицо искажено, мышцы дергаются, как в тике, – такое впечатление, будто ему снится страшный сон. Что бы ни творилось сейчас у него в голове, ты приняла меры, чтобы он не отстал, не потерялся где-то по пути. Он привязан к тебе за запястья нейлоновым шнуром и, спотыкаясь, бредет за тобой по пятам.

Потом приходит то, о чем тебя предупреждали – тягучее, словно патока, ощущение, будто ты идешь по колено в воде, сопротивление, означающее, что ты близка к цели, впереди маячит призрак спирали, двери в свет, и очень вовремя: сколь бы стоически ты ни терпела все это, лунатическая походка Уитби уже начала тебя доставать, вызывая чувство, что неодушевленные предметы вокруг следят за тобой. Ты теряешь ощущение связи со всем, даже с собственным телом... Действительно ли ты идешь, или стоишь неподвижно, и это лишь твой мозг думает, что ноги у тебя поднимаются, потом опускаются и поднимаются снова?

Но затем сопротивление уходит и ты испытываешь облегчение, словно долго задерживала дыхание, а потом выдохнула. И оба вы проходите через дверь и оказываетесь в Зоне Икс. Уитби стоит на четвереньках, ощупывает землю под собой, его сотрясает дрожь, и

тогда ты тянешь на себя его нейлоновый поводок, чтобы он случайно не убрел не в ту сторону и не исчез навеки. Он жадно, как и ты, втягивает ртом свежий воздух, пытаясь к нему привыкнуть.

Какое же синее и безоблачное здесь небо! Тропинка вроде бы знакома, но ты видела ее в последний раз тридцать лет назад, когда бродила по Забытому берегу. Нужно какое-то время, чтобы понять: ты снова дома. Ты узнаешь тропинку, скорее по фотографиям и отчетам членов экспедиции, хотя знаешь, что она была здесь еще до первого вторжения, что ходили по ней твои давние предки. Теперь она сохранилась, выжила и стала частью Зоны Икс.

– Идти можешь? – спрашиваешь ты Уитби, приведя его наконец в чувство.

– Конечно, могу, – с показушной бодростью отвечает он, но голос все равно звучит с надрывом, что-то внутри у него уже сломалось.

Ты не спрашиваешь, что ему грезилось, что именно он видел. Ты не хочешь этого знать, пока вы здесь.

Ты просматривала эти жуткие видеоматериалы из Зоны Икс, снятые еще первой, обреченной экспедицией, но не для того, чтобы найти ответы, а с неким чувством вины, желая уловить связь с просторами, знакомыми тебе еще с детства. Оживить свои воспоминания, вспомнить то, что успела забыть, стараясь не обращать внимания на крики, дезориентацию, смятение, рыдания Лаури и темноту.

Ты видишь цепочку скал у маяка, берег уже немного изменился, словно терруар Уитби можно разглядеть в линиях, оставленных приливом. Словно где-то внизу, среди крабьих норок и крохотных моллюсков, закапывающихся в песок всякий раз, когда их обнажает волна, прятался некий образчик, способный дать все ответы.

Да и тропинки тоже: темная неподвижность соснового леса, густой подлесок испещрен пятнышками приглушенного света. Воспоминания о том, как ты в шесть лет сбилась с пути, заблудилась в этом лесу в грозу, а потом все же вышла из него, не понимая, где находишься, – они нахлынули, стоило услышать, как начальник экспедиции заметил низко нависающие тучи, словно те знаменовали нечто, от чего не укроешься, как от дождя.

После грозы, выбежав на открытое пространство, к солнечному свету, ты вдруг столкнулась с огромным аллигатором, лежавшим, словно бревно, поперек узкой тропинки и не дававшим пройти: по обе стороны была вода. И тогда ты разбежалась и перепрыгнула через него. И ни слова не сказала маме об этом приключении, о том, как в прыжке осмелилась глянуть вниз и увидела желтый глаз с черным вертикальным зрачком, который смотрел на тебя одобрительно и жадно, будто всю вбирал в себя – так поступила Зона Икс с первой экспедицией. Оставив его позади, ты помчалась дальше со всех ног, подстегиваемая радостью и чистым адреналином, словно победила весь мир.

Люди на экране не бежали к чему-то, а убегали, и крики их знаменовали не триумф, а отчаяние – усталые крики людей, обессиленных сражением с чем-то не желающим показать себя. В моменты цинизма ты называла их про себя криками безразличия: организм знает, что бороться нет смысла, тело капитулирует заранее, мозг этому не противится. Они ведь не заблудились, как ты тогда; у них не было коттеджа у моря, куда можно было вернуться, не было матери, нервно расхаживающей по крыльцу и сходящей с ума от беспокойства, обрадовавшейся, когда ты появилась, грязная и промокшая насквозь.

Очевидно, нечто в твоём выражении лица подсказало ей, что ты одержала победу, потому что она не стала наказывать тебя, а просто переодела в сухую одежду и накормила, не

задавая никаких вопросов.

Пройдя мимо дорожки к базовому лагерю, ты направляешься к топографической аномалии – тебя гонит туда с неумолимостью секундной стрелки, бегающей по кругу. Ты не делишься с Уитби знанием о том, что чем дольше вы здесь задержитесь, чем больше будете медлить, тем выше вероятность несчастья. Глаз аллигатора смотрит на тебя пронзительно и неотступно, точно это животное знало все наперед. На второй день первой экспедиции человек, не попавший в камеру, сказал: «Хочу домой». И тогда Лаури, болтавшийся поблизости и такой самоуверенный, спросил: «Это ты о чем? Наш дом теперь здесь. У нас тут есть всё. Абсолютно всё, что необходимо. Разве нет?»

Стремление поскорее добраться до места особенно обостряется, когда вы проходите через заболоченный лес, лежащий в миле или двух от границы, где стволы деревьев тонут в канавах с черной водой. То самое место, где ты часто видела следы обитания медведей, слышала какие-то подозрительные шорохи в темноте лесного покрова.

Уитби по большей части молчит, но когда открывает рот, его вопросы и тревожные замечания лишь усугубляют давление темноты, ощущение какого-то особого вечного и неизбывного злого умысла, которое властвует на этой полоске земли, позже названной Зоной Икс. Стоячие недвижимые воды, давящая темнота неба над верхушками деревьев, где лишь изредка просвечивают синие прогалины и тут же затемняются снова, и кажется, что идти тебе и идти еще тысячи миль. Не на этой ли поляне погибли трое людей из пятой экспедиции? Не в том ли озерце покоятся тела мужчин и женщин, не вернувшихся из первой восьмого цикла? Погруженную в эти мысли, тебя до жути пугает еле слышный шепот Уитби, почти не отличимый от отзвуков эха тех давних дней.

Но в конце концов вам все же удастся выйти на более открытое и приветливое пространство, к которому вполне можно адаптироваться, обозреть и как-то примирить прошлое с настоящим. Здесь широкая дорога отделяет заболоченный лес от поля, позволяя видеть горизонт и несколько высоких сосен, поднимающихся из буйной травы, рядом с низенькими круглыми пальмами. Наклон этого леса приводит к тому, что тень падает под углом, затеняя лишь половину тропинки.

Внутри Зоны Икс существуют другие границы, другие препятствия, и вам пришлось преодолеть одно из них, чтобы добраться до топографической аномалии.

Оказавшись там, ты сразу понимаешь, что башня сделана вовсе не из камня. И Уитби тоже это понимает. Выражение его лица прочесть невозможно – сожалеет ли он, что ты не подготовила его как следует, что он не прошел через весь цикл тренировок, который могли предоставить в Центре, а вместо этого купился на твои полумеры, на твой низкопробный гипнотизм?

Башня дышит. Нет, это не преувеличение. Плоть круглой вершины этого аномального сооружения ритмично поднимается и опускается, как грудная клетка у спящего человека. Никто не упоминал об этом аспекте в отчетах, и ты не готова к этому, но воспринимаешь его легко, даже охотно, уже представляешь, как будешь спускаться с нее, пусть даже часть тебя словно взмывает в воздух, свысока глядя на твое решение и осознавая всю его глупость.

А может, она проснется, как только ты окажешься внутри?

Отверстие, ведущее в темноту, напоминает скорее не проход, а глотку. Окаймляющий его кустарник смят, уложен грубым кольцом, словно здесь когда-то лежала, охраняя вход,

исполинская змея. Ступени походят на оскал пасти с кривыми зубами, из тьмы пахнет прокисшим медом.

– Я туда не пойду, – заявляет Уитби так решительно, точно считает, что, спустившись, он перестанет быть самим собой. И морщинки, и впадины на его лице, заметные даже в этом неверном свете позднего лета, говорят о том, что его уже преследуют страшные воспоминания, которых у него пока нет и быть не может.

– Тогда пойду я, – говоришь ты с замиранием сердца. Другие ведь ходили, пусть и редко, и возвращались, так что же, ты хуже других? Только надень для безопасности респиратор.

В каждом твоём движении сквозит с трудом скрываемый страх, пронизывает плоть до кости, он станет явным, вырвется наружу позже. И много месяцев спустя ты будешь просыпаться с ощущением боли и ломоты во всем теле, словно оно не сможет забыть того, что произошло, и это единственный для него способ выразить эту травму.

Внутри все совсем не так, как описывалось в разрозненных отчетах, доставленных другими экспедициями. Со стены витками свисает живая плоть, почти неподвижная, еле заметно шевелятся усики, образуя слова так медленно, что на секунду тебе даже кажется, что это отмершая ткань. И слова эти были не ярко-зеленые, как описывалось в отчетах, но синеватые, цвета пламени горелки на газовой плите. На ум тотчас приходит слово «дремлющее», а вместе с ним и надежда: все, что находится под тобой, инертно, вполне нормально, хотя само слово, если вдуматься хорошенько, означает, что объект вполне жив.

Ты стараешься держаться посередине, не прикасаться к стенам, пытаешься не обращать внимания на неровное дыхание башни. Ты не читаешь эти слова, потому что давно знакома с такого рода ловушками, это способ тебя отвлечь... И все же не проходит ощущение, что под тобой находится нечто дезориентирующее и дестабилизирующее, решает, показаться или остаться невидимым – где-то там, за углом, или за горизонтом, но с каждым шагом обнаруживается лишь новая пустота, каждый изгиб ступеней освещен синеватым пламенем мертвых слов, и ведут они в неизведанное, и ты робеешь, напрягаешься еще больше, хотя смотреть здесь не на что. Черт бы побрал эту пустоту, это отсутствие чего бы то ни было. Ты начинаешь перебирать в памяти каждую секунду жизни в Южном пределе и корить себя, что спустилась сюда напрасно, без толку, чтобы не найти ровным счетом ничего. Ни ответов, ни решений, никакого конца в поле зрения, слова на стене начинают меркнуть, кажется, что подмигивают тебе по мере того, как ты спускаешься все ниже... И вот наконец ты замечаешь внизу, вдали, отблеск света. Страшно далеко, так далеко, что он походит на светящийся цветок где-то в черной дыре, на самом дне моря, испускает дрожащее еле заметное мерцание, а затем, словно по мановению волшебной палочки, возникает прямо перед твоим лицом, создавая иллюзию, что ты можешь дотронуться до него, если только у тебя хватит храбрости протянуть руку.

Но не от этого у тебя вдруг подгибаются ноги и кровь приливает к лицу.

Слева у стены сидит сторбленная фигура, смотрит вниз, на ступеньки.

Фигура с опущенной головой, отвернувшаяся от тебя.

Голову под респиратором начинает покалывать, точно в кожу осторожно, без боли входит миллион холодных и тонких игл, легких, невидимых, и ты притворяешься, что тебе просто стало жарко, и тепло это распространяется по коже, стягивает ее по краям носа, вокруг глаз, а иголки продолжают мягко и безболезненно входить в кожу, как в подушечку для булавок, словно там им самое место.

Ты твердишь себе, что это не более и не менее реально, чем игра в боулинг у Чиппера, чем гиппопотам с красной проплешиной под кожей, чем жизнь в Бликерсвилле, чем работа в Южном пределе. Что этот момент ничем не отличается от других моментов, что на атомы все это никак не влияет, как и на воздух, как и на создание, стены которого дышат вокруг тебя. Решив войти в Зону Икс, ты не оставила за собой права назвать хоть что-либо невероятным.

Ты подходишь поближе, тебя так и влечет к этому невероятному существу, присаживаешься на ступеньку рядом с ним.

Глаза его закрыты. Лицо освещено тускло-голубым сиянием, исходящим откуда-то изнутри тела, словно кожу с него содрали, и потому он весь такой пористый, как вулканическая порода. Он вплавлен в стену или просто выступает из нее, как некое естественное продолжение, выпуклость, которая в любой момент может втянуться внутрь и исчезнуть.

– Ты настоящий? – спрашиваешь ты, но он не отвечает.

Тогда ты протягиваешь к нему дрожащую руку, заранее ужасаясь тому, что почувствуешь, и тем не менее тебе страшно хочется узнать, какова его кожа на ощупь. А что, если дотронешься и он рассыплется в пыль? Ты проводишь пальцами по его лбу, он шероховатый и влажный, как наждачная бумага под слоем воды.

– Ты меня помнишь?

– Тебе здесь нельзя, – еле слышно произносит Саул Эванс. Глаза по-прежнему закрыты; видеть он тебя не может, и, однако, ты знаешь – он видит. – Ты должна сойти со скал. Скоро прилив.

Ты не знаешь, что сказать. Да и откуда знать? Ведь ты отвечала ему так давно, много лет назад.

Теперь становится слышен всепоглощающий шум какого-то механизма внизу, мелькают и вращаются странные орбиты, и еще этот свет, этот невозможный светящийся цветок, он начинает колебаться, меняться, превращаться во что-то другое.

Его глаза распахиваются, они кажутся белыми в темноте. Он совсем не изменился за эти тридцать лет, ничуть не состарился, и тебе снова девять, и свет снизу поднимается прямо к тебе, быстро летит по ступенькам, и откуда-то сверху, из башни, доносится отдаленное и раскатистое эхо крика Уитби, словно он кричит за вас обоих.

Броненосцы разрушают сад, но применять яд как-то не хочется. Надо бы подрезать кусты морского винограда. К завтрашнему дню составлю список неотложных дел. Пожар на острове Невезения, но не сильный, и о нем уже доложено. Мною замечены: альбатрос, крачка (точно не определил, что за разновидность), рыжая рысь (выглядывала из пальмовых зарослей к востоку отсюда, до смерти напугала велосипедиста), один из видов мухоловки, группа дельфинов, что направлялась к востоку просто с бешеной скоростью, словно преследовали косяк кефали в морской траве на мелководье.

Тела тоже могут служить маяками, Саул это знал. Башня на берегу была неподвижным маяком, предназначенным для неподвижной задачи, люди же перемещаются. И все же в движении своем люди испускают свет, сияют за многие мили, служа предупреждением, приглашением или просто статичным сигналом. Люди раскрываются, становятся яркими или же темнеют. А порой обращают свой свет вовнутрь, и ты перестаешь его видеть, потому что у них не остается другого выхода.

– Все это чушь собачья, – заметил Чарли ночью, когда после секса Саул высказал кое-какие свои соображения по этому поводу. – И не вздумай становиться поэтом!

В кои-то веки Саул уговорил Чарли прийти к нему на маяк – событие редкостное, поскольку Чарли был и пуглив, и задирист одновременно. В детстве его лупил отец, потом вышвырнул из дома, с тех пор прошло двадцать лет, но он из своей раковины так до конца и не вышел. Так что это можно было считать робким шагом вперед, и Саул радовался, чувствуя, что в его обществе друг чувствует себя в относительной безопасности.

– Идею подсказала одна из проповедей отца. Лучшая в его жизни. – Саул осторожно согнул руку, пытаясь понять, чувствует ли дискомфорт после той истории с растением. Все вроде бы нормально.

– Скучаешь по своему старому делу? Ну когда был проповедником? – спросил Чарли.

– Нет, все еще соображаю, на что нацелилась эта «Бригада легковесов». – Они по-прежнему вызывали у него смутное, но настойчивое чувство тревоги. Что они такое тут затеяли, чего он не видит?..

– А-а, эти, да? – протянул Чарли с зевком и перевернулся на спину. – Никак не можешь оставить этих бригадных в покое, верно? Они просто банда долбанных психов. Да и ты, кстати, тоже. – Но произнес он это с любовью.

Позже, уже засыпая, Чарли пробормотал:

– Не так уж и глупо. Ну, та штука о маяке. Неплохая мыслишка. Вполне возможно.

Возможно. Саул все еще с трудом понимал, когда Чарли говорил искренне, а когда нет. Иногда их постельная жизнь казалась ему таинственной, существующей вне всякой связи с жизнью снаружи, в большом мире.

Да, порой другие люди делились с тобой своим светом, и порой он был еле заметен, слабый, мерцающий, видно, от того, что другим не было до них дела. От того, что они отдали тебе слишком много и для самих ничего не осталось.

К концу своей службы в церкви он чувствовал себя маяком, у которого истощился весь свет, осталось лишь слабое мерцание в глубине сердца. И слова выходили у него изо рта, и было совсем не важно, доносят ли они свет до его прихожан – все равно они просто

смотрели на него, но не слушали. Возможно, был свой плюс в том, что его службы являли собой довольно пеструю смесь, привлекая и хиппи, и пуритан, потому что он зачитывал отрывки из Старого Завета, был не чужд идей деизма^[6], а в доме отца имелись и книги по эзотерике. Этого отец не планировал: его книжные полки направили Саула на пути, куда сам он предпочел бы сына не пускать. Впрочем, отцовская библиотека всегда была куда либеральнее, чем сам старик.

Потрясение, которое испытал Саул, перестав быть центром внимания, исчезнув долой с глаз людских, временами сказывалось до сих пор, причем наступали эти моменты неожиданно. Но никакой драмы в том, что его приход на севере перестал существовать, он не видел, как и не считал это шокирующим откровением, наказанием за то, что проповедовал и молился об одном, а думал совсем о другом. Довольно долгое время он ошибочно принимал это противоречие за воплощение чувства вины за свои грехи, как реальные, так и воображаемые. И вот в один ужасный день он вдруг осознал, что подвели и предали его страсти, что он *сам* стал посланием.

Когда Саул проснулся, Чарли уже ушел, не оставив даже записки. Но записка могла показаться проявлением сентиментальности, а Чарли бы того рода маяком, который никогда бы не позволил себе светиться подобным образом.

Днем он увидел Глорию, идущую по пляжу, махнул ей рукой, но не был уверен, что она его заметила – ровно до тех пор, пока девочка не свернула и не направилась к нему нарочито неспешным шагом. Он знал, что она бы не позволила себе показать, что ей хочется пообщаться с ним. Вероятно, это было против каких-то девчачьих правил поведения.

Он закапывал ямки, которые прорыли в саду броненосцы, подкапывавшиеся под корни растений. Ямки, сохранившие форму их мордочек, его развеселили – он даже сам не понял почему. Но от простой физической работы ему всегда становилось весело без видимых на то причин. Грела и еще одна мысль – близнецы, Генри и Сьюзен, что-то сегодня припозднились.

Утро выдалось серенькое, а вот день обещал стать чудесным. Море сверкало и переливалось аквамариновыми оттенками, вода была прозрачна, на глубине виднелись тени водорослей. На самом краю бесшовного ярко-голубого неба белел след, оставленный аэропланом, как бы демонстрируя полное пренебрежение к обитателям этого пустынного побережья. Ближе к дому находились скалы, испещренные скользким белым пометом бакланов, – на них он постарался не смотреть.

– Почему ты ничего не сделаешь с этими броненосцами? – спросила, подойдя поближе, Глория. Судя по всему, она отклонилась от намеченного маршрута, ее влекли сокровища, которые можно было найти в выброшенных на берег водорослях.

– Мне нравятся броненосцы, – ответил он.

– Старина Джим говорит: они вредители.

Старина Джим. Иногда казалось, она упоминает о нем всякий раз, когда хочет настоять на своем. Старина Джим жил в самом конце одной из дюжин грязных проселочных дорог их хитро переплетенного лабиринта, в своей знаменитой хижине, рядом со свалкой, где в бочках незаконно хранились отходы химического производства. Никто не знал, чем он занимался до того, как его выбросило на Забытый берег, но теперь он держал маленький, то открывающийся, то закрывающийся деревенский бар.

– Так, значит, Джим так говорит, да? – Он старался как можно плотнее утрамбовать

землю, несмотря на то что вдруг непонятно почему навалилась страшная усталость. Еще один сильный шторм – и этот дерн просто смоем.

– Они все равно что крысы, только в броне.

– Как морские чайки? Тоже крысы, только с крыльями.

– Чего?.. Ты же знаешь, можно поставить ловушки.

– Нет, для ловушек они слишком умны.

Она взглянула на него, осторожно, искоса.

– Не думаю, что это правда, Саул.

Когда она называла его Саул, он знал: есть повод для беспокойства. Можно попасть в неприятности. Что ж, пусть будет так. Кроме того, ему нужен перерыв: он уже весь вспотел.

– В один прекрасный день, – заметил он, опираясь на лопату, – они проберутся в дом через окно на кухне. Встанут друг другу на спины и откроют задвижку.

– Пирамида из броненосцев! – Она рассмеялась, потом спохватилась и напустила серьезный вид. – Думаю, и это тоже неправда.

Правда состояла в том, что ему действительно нравились броненосцы. Такие забавные – неуклюжие, но трудяги и смельчаки. В какой-то из книжек он вычитал, что броненосцы умеют «переплывать» реки – просто идут по дну, надолго задерживая дыхание. Эта деталь его особенно поразила.

– Да, конечно, достают, портят сад, – признал он. – Так что ты, наверное, права. – Он знал, что если не сделать хотя бы небольшой уступки, она замолчит, замкнется в себе.

– Старина Джим говорит, что ты сумасшедший. Всем рассказываешь, что видел здесь кенгуру.

– Может, тебе не стоит проводить столько времени у Старины Джима?

– Я и не провожу. Живет на свалке. Он сам приходит, к моей маме.

Ага, к врачу ходит. Он испытал облегчение, а может быть, это просто выступил от напряжения холодный пот. Нет, Саул ничего не имел против Джима. Но мысль о том, что эта девчонка носится где попало, тревожила его. Даже Чарли заметил это и сказал Саулу, что Глория знает окрестности лучше всех.

– Так ты видел кенгуру или нет?

Бог ты мой, вот что значит иметь любопытных детей!

– Ну не то чтобы. Просто видел нечто *похожее* на кенгуру.

Местные до сих пор за это над ним подшучивали, но он клялся и божился, что видел животное, пусть и мельком, в первый год своего пребывания здесь. Возможно, просто перевозбудился от новизны ощущений, от прогулок по множеству неисследованных тропинок.

– Ой, совсем забыла. Я же не просто так сюда пришла, – сказала она.

– А что?

– Старина Джим слышал по радио, что на острове пожар. Ну и я хотела посмотреть, с башни маяка лучше видно. Там ведь телескоп, да?

– Что? – Он уронил лопату. – О чем ты? Какой еще пожар на острове? – Насколько ему было известно, там никто никогда не бывал, кроме членов «Бригады», но часть работы смотрителя маяка заключалась в том, чтобы сообщать обо всех происшествиях, в том числе и пожарах.

– Да он *не весь* сгорел, – сказала она, – только часть. Дай мне глянуть. Ну, на дым и все такое.

И они стали подниматься. Саул настоял на том, чтоб взять ее за руку, ладошка у нее была крепкая и немного влажная, он то и дело предупреждал, чтобы девочка шла по ступенькам осторожнее, а сам ломал голову над тем, кто мог позвонить и сообщить о пожаре до него.

Забравшись в башню, Саул прикрыл прожекторы мешковиной и приник к телескопу, предназначенному для наблюдения за звездами. Оказалось, что Глория права: на острове пылал пожар. Точнее сказать, горела верхушка старого маяка – милях в двадцати отсюда, но в телескоп было видно прекрасно. Мелькали красные всполохи, но в основном валил черный дым. Похоже на погребальный костер.

– Как думаешь, там кто-то погиб?

– Да там нет никого. – Кроме тех «странных людей», как выражалась Глория.

– Тогда кто же устроил этот пожар?

– Да никто не устраивал. Само загорелось. – Сам он в это не очень-то верил. Он видел крохотные фигурки на берегу, и, похоже, костры тоже, от них валил черный дым.

– А можно я еще посмотрю?

– Конечно.

Даже после того как Саул уступил место Глории у телескопа, ему продолжало казаться, что он видит тонкие, как волоски, завитки дыма на горизонте, но это наверняка было просто иллюзий.

На острове Невезения частенько случались странные вещи. Достаточно было послушать Старину Джима или кого-то еще из местных, чьи байки о Забытом берегу изобиловали мифами об этом острове, особенно с тех пор, когда провалилась последняя попытка образовать там поселение. Он весь состоял из скал и утесов, поросших лесом, был изолирован от внешнего мира; с начала возведения маяка – а было это очень давно – стало ясно, что морские пути уже начали меняться, это и определило дальнейшую печальную участь маяка.

Прожекторы на маяке Саула когда-то украшали башню на острове, ныне превратившуюся в развалины. В глазах некоторых то было дурным знаком, будто вместе с линзами на материк с острова перебралось какое-то несчастье. Вероятно, это было связано с эпической историей перевозки прожекторов весом каждый в четыре тонны – налетел шторм, молнии так и полосовали небо, корабль, перевозивший прожекторы, призванные избавить суда как раз от подобных несчастий, тогда едва не затонул. Это было одной из причин, по которым местные редко посещали маяк, хотя и пляж, и виды были здесь просто изумительными.

Глория так и прилипла к телескопу, и тут вдруг Саул заметил на полу, у основы, на которой крепился прожектор, со стороны, противоположной морю, что-то странное. На темных деревянных плашках блестели крохотные осколки стекла. Какого дьявола? Неужели эти идиоты из «Бригады легковесов» разбили лампочку или что-то вроде этого? Затем пришла другая мысль, и Саул, наклонившись, сдернул с прожектора мешковину как раз над тем самым местом, где валялись осколки. Ну и естественно, увидел у самого края скол. Точно дырка от пули, подумал он, только совсем крохотная. Он осмотрел «выходное отверстие». В стекле просматривались тонкие, как волоски, трещинки, расползались и переплетались, точно корни растения. Других повреждений в этой гладкой фрактальной поверхности он не нашел.

Он не знал, сердиться ли ему или просто внести этот пункт в список предметов, подлежащих починке, поскольку на функциональность прожекторов это не влияло. Неужели это сделали Генри и Сьюзен, нарочно или по ошибке, по неловкости? И еще ему никак не удавалось избавиться от иррационального и тревожного ощущения, что что-то отсюда *исчезло*.

Внизу на лестнице послышались шаги, затем донеслись голоса – две пары ног, два голоса. «Бригада легковесов», Генри и Сьюзен. По какому-то наитию он прикрыл прожектор мешковиной, а потом растоптал подошвой ботинка осколки стекла на полу в мелкую пыль. И отчего-то вдруг почувствовал себя соучастником преступления.

Когда они наконец появились на площадке, Саул не мог винить Глорию за то, как она на них смотрела – точно дикая кошка, готовая наброситься и разорвать в клочки. Он и сам испытывал такое же желание.

И снова Генри был одет как для выхода в город. А Сьюзен смотрела напряженно, наверное, потому, что на сей раз ей пришлось нести оборудование.

– Что-то вы поздно, – произнес он, не в силах скрыть неодобрение в голосе. Генри держал в левой руке небольшой металлический чемоданчик, в каких носят набор инструментов, и слегка покачивал им из стороны в сторону. – А это что такое? – Прежде Саул этого чемоданчика не видел.

– Да ничего особенного, Саул, – с широкой, как всегда, улыбкой произнес Генри. – Просто инструменты. Отвертки там всякие и прочее. Набор мастера на все руки. – Или человека, имеющего наглость брать образчики стекла первых прожекторов, которым удавалось избегать вандализма больше века.

Очевидно, заметив враждебность Глории, Сьюзен поставила чемодан и коробку на пол, наклонилась к телескопу и сказала:

– Ты такая славная девочка! Хочешь конфетку? – И она наклонилась еще ниже и с торжествующим видом фокусника-самоучки достала из-за уха Глории леденец и наткнулась на удивленный враждебный взгляд девочки.

– Нет. Не до того. Мы наблюдаем, как горит остров. – И она снова решительно прильнула к телескопу.

– Да, там горит, – невозмутимо заметил Генри, когда Сьюзен снова подошла к нему. Поставил ящичек с инструментами рядом с другим оборудованием, внутри что-тобрякнуло.

– Вам хоть что-то об этом известно? – спросил Саул, хотя на языке у него вертелось множество других вопросов.

– А что мне может быть известно? Несчастный случай. И потом, мы же не бойскауты, чтоб разбираться в таких вещах, правильно? Там, к счастью, никто не пострадал, день сегодня выдался просто замечательный, и вообще мы очень скоро оттуда уезжаем.

– Уезжаете? – с надеждой спросил Саул. – Закрываете свою лавочку?

– Нет. То есть, да. На острове. Но не здесь. Мы остаемся здесь.

– Почему? – выпалил Саул, не в силах скрыть озабоченность в голосе.

Генри посмотрел на него уже не так дружелюбно, как всего секунду назад.

– То, что мы ищем, находится не на острове.

Самодовольный, точно радуется, что владеет каким-то секретом, и не собирается делиться им с Саулом. Тот обиделся, а потом рассердился уже по-настоящему.

– Да что такое вы ищете? Может, предмет, которым повредили прожектор? – Сьюзен даже вздрогнула от этой его прямоты. И старалась не смотреть Саулу в глаза.

– Прожекторы мы не трогали, – сказал Генри. – Ты ведь не трогала, правда, Сьюзен?

– Нет, мы не трогали, – испуганно пробормотала Сьюзен. Слишком уж отчаянно она все отрицала, что само по себе подозрительно.

– Ну, значит, кто-то другой, – уже без прежнего напора произнес смотритель.

– Не мы, – сказал Генри. – Ни в коем случае не мы. – Прозвучало это искренне и без всякого сарказма, но Сьюзен почему-то избегала смотреть на него.

Саул колебался. Стоит ли показывать им место повреждения на прожекторе? Ему не хотелось. Если это сделали они, то все равно не признаются, солгут. Если не они, то не стоит привлекать к этому их внимание. Тем более ему не хотелось ругаться с ними при Глории. Он сдался и с трудом оторвал Глорию от телескопа, понимая, что все это время она слушала их разговор.

Внизу, на кухне, он позвонил в пожарное отделение Бликерсвилля, где ему сообщили, что уже знают о пожаре на острове и что никакой угрозы для людей он не представляет. Саул почувствовал, что попал в глупое положение: уж он, как никто другой, знал, как они относятся к людям с Забытого берега. И, судя по всему, им уже все это надоело.

Глория сидела за столом, рассеянно грызла шоколадный батончик, который он ей дал. Наверное, ей больше хотелось леденец.

– Иди домой. Как только доешь. – Сам не зная почему, он вдруг захотел, чтобы она держалась как можно дальше от маяка. Чарли назвал бы такое его поведение иррациональным, слишком эмоциональным. Сказал бы, что он не способен мыслить здраво. Но с учетом пожара, повреждений, нанесенных прожектору, с учетом странного поведения Сьюзен... он не хотел, чтобы Глория здесь оставалась.

Но Глория демонстрировала страшное упрямство – дар, которым ее наделили вместе с шоколадным батончиком.

– Ты ведь мой друг, Саул, – сказала она. – Друг, но не начальник. – Произнесла она это самым небрежным тоном, точно он уже давно должен был это понять и лишние напоминания ни к чему.

Интересно, может быть, эту фразочку Глория подцепила от матери? Нехотя он был вынужден признать, что так оно и есть. Он не был и начальником Генри, и вообще ничьим. *Возделывай свой сад.*

Он кивнул, признавая свое поражение. Эта девчонка всегда будет делать что хочет. Все будут, а ему лишь остается как-то мириться с этим. Слава богу, скоро выходные. Он поедет в Бликерсвилль с Чарли, посмотрит на открывшееся там новое местечко под названием «Звездные дорожки» Чиппера – один друг Чарли очень его расхваливал. Там было поле для мини-гольфа, который любил Чарли, да и в боулинг было бы неплохо сыграть, хотя самого Саула больше привлекал тот факт, что у заведения есть лицензия на торговлю выпивкой и бар в глубине помещения.

Лишь через час Генри и Сьюзен спустились снова – сперва он услышал шаги, затем увидел в кухонное окно, как они торопливо вышагивают рядом по территории, прилегающей к маяку.

Он бы предпочел остаться внутри и не связываться с ними, но через несколько минут к воротам подъехал на своем грузовике Брэд Делфино, волонтер, иногда помогавший ему в работе. Еще не остановившись, Брэд высунулся из кабины и помахал рукой Генри, а Саулу почему-то не хотелось, чтобы он вступал в разговоры с «Бригадой легковесов» в его

отсутствие. Брэд был музыкантом, играл в местном джаз-банде, любил выпить и поболтать – с любимым, кто соглашался его слушать. Иногда попадал в неприятные истории, и в качестве наказания его приговаривали к общественным работам на этом заброшенном побережье.

– Слышал о пожаре? – спросил Брэд, когда Саул открыл ворота и дал ему проехать на стоянку.

– Да, – коротко бросил Саул, – слышал. – Разумеется, Брэд знал, иначе бы просто не приехал.

Теперь он видел, что Сьюзен с Генри фотографируют каждый квадратный дюйм территории, даже изгородь. Мало того, Глория заметила, что он вышел из дома, и направлялась теперь прямо к нему, издавая неприятные, какие-то лающие звуки – была у нее такая привычка. Девочка знала, что он терпеть не может, когда она так делает.

– А что вообще происходит? – спросил Брэд.

– Знаю не больше твоего. Звонил пожарным, там говорят, что все вроде бы в порядке. – Что-то в его голосе менялось, когда он говорил с Брэдом: появлялся какой-то гнусавый южный акцент, и Саула это раздражало.

– А можно подняться и взглянуть в телескоп? – Ну прямо как Глория, так и сгорает от нетерпения полюбоваться на сегодняшнее происшествие.

Но не успел Саул ответить, как к ним подскочили Генри и Сьюзен.

– Фотосессия! – провозгласила Сьюзен с веселой улыбкой. К камере у нее был прикреплен довольно массивный телескопический объектив, а широкий ремень, свисающий с шеи, придавал ей какой-то девчачий вид.

– А зачем вам эти снимки? – спросила Глория.

Тот же вопрос хотел задать и Саул.

– Просто для отчета. Мы создаем фотокарту этого региона, так что нужны и снимки людей, которые здесь проживают. К тому же, как видите, и день выдался чудесный, солнечный, – с широкой и какой-то хищной улыбкой ответила Сьюзен. Правда, небо немного посерело, накатывали облака, и вдаль от побережья уже наверняка пошел дождь.

– Да. Так как насчет группового снимка вас, вашего помощника, ну и девочки, конечно? – спросил Генри, не удостоив Глорию даже взглядом. Он так пристально изучал физиономию Саула, что тому стало неловко.

– Ну, не знаю... – протянул Саул, которого раздражала их настырность. К тому же он так же хотел отмежеваться от Брэда, который официально вовсе не был его помощником.

– А я согласна, – пробормотала Глория, сверкнув глазами. Сьюзен потянулася погладить ее по головке. Сперва Глория смотрела так, точно вот-вот укусит ее за руку, но потом что-то буркнула и просто отступила.

Генри подошел к Саулу.

– Что за фотография маяка без его зрителя? Куда это годится? – спросил он, но вопрос был чисто риторический. – На севере, – продолжил меж тем Генри, – вы были священником. Но если беспокоитесь о прихожанах, которых там оставили, то не стоит, это не для публикации. Ну правда, что за снимок маяка без зрителя?

Это вывело Саула из равновесия.

– А это вы откуда знаете? – спросил он.

Но Брэда эта новость развеселила, и он вмешался прежде, чем Генри смог ответить:

– Ох уж этот Саул! Настоящий головорез! Разыскивается в десяти штатах. Если появится снимок, ему конец!

Неужели следует придавать значение какому-то там снимку? Пусть даже он не закончил свои дела на севере. Нет, не то чтобы он бежал, да и фото это не появится в газетах...

Ветер набирал силу. И вот, вместо того чтобы спорить, Саул достал из кармана кепку, решив, что если наденет ее, то хоть как-то замаскируется, хотя зачем ему маскироваться? Иррациональная мысль. Возможно, не первая иррациональная мысль с тех пор, как он решил стать смотрителем маяка на Забытом берегу.

– Сказали все «с-ы-ы-р»! Сказали «нет секретов». На счет три!

Нет секретов?..

Брэд решил принять позу стойка – еще одна попытка подшутить над ним. Глория, желая выглядеть драматично, заставила всех ждать, пока она натянет капюшон куртки на голову, потом побежала к скалам – словно в знак протеста, чтобы Сьюзен не смогла поймать ее в фокус. Оказавшись там, она стала карабкаться вверх, потом развернулась и начала спускаться, повизгивая от восторга и выкрикивая беспричинно:

– Я монстр! Я монстр!

И вот на счет три Сьюзен замерла, слегка согнула колени, точно находилась на палубе корабля в шторм. А потом дала сигнал.

– Нет секретов! – раньше времени выпалил Брэд с энтузиазмом, о котором мог бы пожалеть, с учетом того, что не раз привлекался за наркотики.

А потом из камеры полыхнула вспышка, и в уголках его глаз стали плавать черные точки, замутняя периферическое зрение, собираясь в стаи, и оставались там дольше, чем можно было счесть нормальным.

Они вырвались из этого ужасного коридора между миром и Зоной Икс, и сразу стало нечем дышать, и Контроль на миг растерялся, но затем почувствовал сильный толчок в спину – это была Кукушка. Рюкзак тянул его вниз, заставляя бороться с затягивающей тяжестью соленой воды, обжигающей глаза, стискивающей горло. Он крепко сжал губы, чтобы не захлебнуться, стараясь не обращать внимания на целый рой пузырьков, поднимающихся вокруг головы и над ней. Сумел как-то подавить панику и свой собственный крик, приспособиться к ощущению, что о него трутся и давят сразу тысячи шершавых и одновременно гладких поверхностей, как дверь, превратившаяся в стену, режущая его пальцы, хлещущая по рукам и ногам, будто он материализовался в центре подводного торнадо, состоящего из сверкающих ножей, где Уитби, и Лаури, и Грейс, и его мать-шпионка, и все это чертово племя Южного предела хором кричат ему: *Прыгай!* – отражаясь в тысячах серебристых осколков. Даже когда легкие его наполнились водой. Даже когда он отчаянно пытался освободиться от рюкзака, предательски тянущего его ко дну, но при этом не потерять документ Уитби, запустив руку внутрь, хватая, выдирая страницы, те вырывались и всплывали, остальные же камнем пошли вниз, во тьму и муть, вместе с рюкзаком – подводным надгробием.

Он мельком заметил, что Кукушка уже поднялась, проскользнула мимо него и направилась к какому-то блестящему желтому яйцу с расплывчатым нимбом вокруг – возможно, это было солнце. Сам он все еще впитывал воду, а вокруг кружили и вертелись серебристые ножи, неодобрительно уставившись на него плоскими глазами. И еще эти страницы – они плавали и над головой, и под ногами, прилипали к одежде, потом отлеплялись и попадали в миниатюрные водовороты, которые сопровождали косяки рыбы. Какую-то долю секунды он, задыхаясь, всматривался в строку из текста, затем его толкнуло в грудь что-то тупое и мощное.

Изголодавшийся по кислороду мозг все же сообразил: появился истинный левиафан подводного царства. Они попали в косяк крупной рыбы, возможно, барракуд, и вот теперь на них напал еще более крупный хищник. Его охватило ужасное ощущение пустоты, так бывает в свободном падении... расстояние сокращалось, акула невероятных размеров ворвалась в этот водоворот из рыбы и окрасила воду алым облаком. Какой-то мегалодон^[7]... пузырьки воздуха сочились изо рта, словно крошечные лживые фразы о мире, ополчившемся против него.

«Лаури», оставляя за собой след из потрохов, проплыл так близко от Контроля, что тот отшатнулся, а потом приблизился, да так, что едва не оцарапал ему жабрами щеку. Окаймленные острым твердым кружевом, они трепетали с просто невообразимой силой и скоростью, вода с ревом ударила ему в ухо, словно кулак, и огромный, но странно нежный глаз, что находился теперь слева, уставился прямо на него. Затем чудовище толкнуло его брюхом, и без того избитое тело заныло от боли, а в довершение всего мегалодон так наподдал Контролю хвостом, что в голове загудело, его отшвырнуло, и он против воли открыл рот, а потом увидел, что желтенький шарик над головой становится все меньше и меньше. *«Бери пушку, Контроль, – сказал дед. Достань из-под сиденья. А потом прыгай!»*

Неужели Лаури или кто-то другой знал фразу, которая могла его спасти?

Консолидация власти.

Неоправданный риск.

Вперед и вперед.

Без движения нет размышления.

Как бы не так. И, однако, среди этого хаоса и бурления вокруг чья-то знакомая рука вдруг ухватила его за запястье и рывком потащила за собой наверх. Словно он не был лишь сгустком обрывистых и постыдных воспоминаний, израненной тушкой, обрывком тайнописи, но кем-то заслуживающим его спасения, кем-то, кого еще можно спасти.

Он брыкался, бил ногами пустоту, словно висельник, а рыбный косяк снова сплотился, и в тело его тыкались сотни этих гладких и одновременно шершавых носов, а он поднимался все выше, и вокруг потемнело от потока быстрых мелькающих тел, этой нескончаемой плоти, образующей ненасытный вихрь, из которого он мог вырваться, а мог и сгинуть в нем навсегда.

А потом они оказались на берегу, и Кукушка зачем-то принялась целовать его. Целовала крепко, жадно, до синяков на губах, давила на грудь, а когда он открыл глаза и посмотрел ей в лицо, зачем-то перевернула на бок. Из рта хлынула вода, затем потекла уже тоненькой струйкой, он приподнялся на руках, глядя на мокрый песок, крохотные пузырьки прибоя терлись о его руки и тут же лопались.

Солнце грело спину, но воздух был прохладен. Их выбросило на длинную и широкую полосу пляжа, окаймленного низкорослыми соснами и деревьями с голыми черными ветвями, искривленными от ветра. Ему не нравилось, что он так устал, так голоден и промок насквозь. И что его умению контролировать ситуацию брошен вызов.

Перед ним растянулась длинная тень Кукушки.

– Значит, точка выхода была посреди океана? – еле выдохнул он.

– Выход ко входу – один к одному. Точка входа находилась в море, так что определенный смысл в этом есть.

– Смысл. – Он выдавил слабую усмешку, потом засунул руку в карман брюк, где лежали три разрозненные страницы, выпавшие из рукописи Уитби, те, что он успел подхватить. Хоть и маленькая, но победа?

Смысл опять начал ускользать от него, когда она, несмотря на то что к востоку среди деревьев вырисовывались очертания маяка, заявила, что идти надо не туда, а в глубь острова.

– Ты не понимаешь, – возразил он, удивленный тем, что между ними вновь так быстро возникли споры. – В маяке оружие и... журналы.

Она расхохоталась:

– Журналы? Стопка никому не нужных дурацких отчетов. Думаешь, призраки членов всех этих погибших экспедиций не жалеют о том, что сунулись туда? Нет, на маяк мы не пойдем. По крайней мере не с самого начала.

Он явно упускал что-то существенное, осязаемое.

– Но базовый лагерь...

– Базовый лагерь слишком близко к башне, а значит, и к эпицентру.

Внутри, согревая его, начал разгораться гнев.

– Но ты не можешь просто...

– Мы не пойдем в базовый лагерь, – сказала она. – Двинемся в глубину острова. Туда, куда пошла бы биолог.

Да, вот так. Он полностью потерял контроль.

* * *

И вот теперь, на четвертый день пребывания в Зоне Икс, Контроль брел следом за Кукушкой, пробираясь сквозь высокую траву – смущенный, пристыженный и усталый. Выспаться не удавалось, ночами одолевали насекомые – зудели, стрекотали, пищали над ухом. А в уме меж тем уже начало формироваться большое и невидимое темное пятно, расплывающееся за пределами Зоны Икс, как вода, вытекающая на скатерть из бокала с трещиной.

Хуже того, он испытывал притяжение, исходящее от Кукушки, хотя с виду она была к нему равнодушна, хотя порой они спали обнявшись, просто чтобы согреться. Неожиданный восторг и прилив нежности от этого случайного соприкосновения. И, однако, в тот момент, когда он пересек границу, она отодвинулась от него, подав недвусмысленный и не подлежащий обсуждению сигнал. Поэтому он снова начал называть себя Контролем – из необходимости, стараясь дистанцироваться от ситуации, внести в нее какое-то подобие объективности. Мысленно вернуть ее в комнату для допросов в Южном пределе и наблюдать за ней через одностороннее зеркало.

– Ты с чего это вдруг так развеселилась? – спрашивал он после того, как она отмечала, что запасы еды и воды у них истощаются, и тут же энергично тыкала пальцем в какого-нибудь воробья и принималась рассказывать, как редка эта разновидность в обычном мире – в голосе ее при этом звучал чуть ли не священный восторг.

– Потому, что я жива, – отвечала она. – Потому что хожу по этим просторам прекрасным солнечным днем. – А потом украдкой косилась на него, словно проверяя, не затаил ли он против нее обиды. Одного этого было достаточно, чтобы понять: их цели могут расходиться, они могут быть лишь временными союзниками и он должен быть готов к возможному противостоянию. Эхо прежних, проваленных операций. Как говорила его мать: «Боевые потери могут надолго застревать в памяти и преследовать тебя, словно привидения». А потом он задумался: возможно, в самых банальных высказываниях его матери скрывался более глубокий потаенный смысл.

Свобода могла лишь отвлечь от цели поисков, но никак не приблизить к ней. Он понял это здесь, на месте, действуя вне рамок стандартных разведанных, в незнакомой глуши. Ему стало ясно, что к Зоне Икс он оказался готов не больше, чем к Кукушке, – а может быть, это было одно и то же. Потому что здесь они существовали только вдвоем, ходили тропинками, вьющимися меж задыхающимися от тростника озерами, вода в которых бывала то угольно-черной, то зеленой, если в ней отражались деревья... Здесь он был наконец волен спрашивать ее о чем угодно, но не спрашивал. Потому что все это уже не имело значения.

Вместо этого он время от времени совал руку в карман куртки и сжимал в ладони поделку отца, взятую с каминной доски в их маленьком домике на холме в Хедли. Плавность линий, ощущение хрупкости этой окрашенной деревянной фигурки почему-то успокаивали. Отец вырезал из дерева маленькую кошечку – в память о давно умершей Чорри, которая, вне всякого сомнения, очень успешно охотилась за крысами и мышами в придорожных зарослях.

И еще вместо этого он углубился в исследование трех страничек из дневника Уитби, которые ему удалось спасти, листки с изложением «теории терруаров», хотя для него они

значили нечто большее. Это был якорь, мостик в его памяти, ведущий к остальным страницам, потерянными в море. Если он и говорил о них с Кукушкой, то лишь для того, чтобы как-то отвлечься от их близости, от всех этих бесконечных тростниковых зарослей, свежего воздуха, синего неба – всего, что словно сговорилось заставить его забыть реальный мир, превратить его в нечто далекое, неважное, в смутную грезу. Хотя на самом деле для него не было ничего важнее этого мира.

Ведь где-то там его мать сражалась за свою карьеру в Центре, и эти действия были равносильны борьбе с агрессивным наступлением Зоны Икс. Где-то там открывались все новые фронты, Зона Икс распространялась и расширялась способами, совсем не характерными для нее прежде. Как знать? Возможно, там с небес падают самолеты, а эта его неоперация, этот поход вслед за Кукушкой уже провалился.

Он цитировал отчет Уитби на память, немного перефразировав его:

– «Неужели они фактически вынесли приговор без суда? Решили, что вести переговоры или заключить соглашение невозможно?»

– Это может быть близко к истине, или чему-то вроде истины, – ответила Кукушка.

Миновал полдень, небо обретало все более глубокий синий оттенок, по нему плыли длинные и узкие перистые облака. Болото продолжало жить своей жизнью, полное шуршания и звонких птичьих песен.

– Приговорены инопланетным трибуналом, – сказал Контроль.

– Непохоже. Зона безразлична.

– Он и об этом пишет. Вот. «Разве это не последнее свидетельство униженного состояния человечества? Что все эти деревья и птицы, лисы и кролики, волки и олени... достигли момента, когда они нас просто не замечают, словно мы трансформировались?» Еще одна полузабытая фраза, реальное становится реальным лишь наполовину. Но его отец никогда не придавал особого значения аутентичности, простота и ясность выражений значили для него куда как больше.

– Видишь вон там, за каналом, олениху? Она определенно нас видит.

– Просто видит или *правда видит*?

И тот и другой вариант привел бы в ужас его мать-шпионку – она никогда не ладила с дикой природой. Как и все остальные члены семьи. Он не припоминал, чтоб они когда-нибудь гуляли по лесу, лишь изредка удили на озере, а зимой сидели дома у каминов. Он не припоминал, чтобы хоть раз где-то заблудился.

– Если это второе, то мы все равно ничего не сможем поделаться, так что будем считать, что первое.

– Или вот это, – сказал Контроль. – Вот здесь: «Или же мы вернулись вспять, в прошлое, и какие-то древние существа и силы пополняют наши ряды, чтобы мы не исчезли».

– Глупости, – сказала Кукушка, но на наживку все же клюнула. – Места природного обитания не отличаются от городов, населенных людьми. Старое существует рядом с новым. Захватнические виды интегрируются с природными или просто вытесняют их. Пейзаж, который ты видишь вокруг, ничем не отличается от старого собора, стоящего рядом с небоскребом. Ты ведь не веришь во всю эту чушь?

Он постарался ответить уклончиво, чтоб даже намеком не выдать, как начал уставать от этого Уитби, пусть даже и продолжал проповедовать его евангелие. Он старался пропускать те высказывания, которые, как ему казалось, могли привести к чему-то большему, решив, что ему прежде стоит поразмыслить над ними хорошенько, сопоставить с собственными

представлениями.

– Просто пытаюсь отделить бессмысленное от полезного. Пытаюсь достичь хоть какого-то прогресса, пока мы тащимся к этому острову. – Он был не в силах замаскировать злобу, произнося слово «остров». Дедушка Джек отнесся бы к ситуации так же, он оставался бы непокорным и настойчивым, пусть даже Кукушке было бы все равно.

– Хоть одна экспедиция добралась до острова? – спросила она, и Контроль воспринял это как попытку уклониться от темы.

– Если и да, то в Южном пределе об этом ничего не известно, – ответил он. – Это не было первостепенной задачей. – Возможно потому, что им и без того хватало неразрешимых проблем.

– Но почему все сфокусировалось на маяке, топографической аномалии, а не на острове?

– Об этом тебе лучше было бы спросить прежнего директора. Или того же Лаури.

– Но я никогда не встречалась с Лаури, – сказала она, словно опровергая этими словами само его существование.

По правде сказать, имя Лаури, произнесенное здесь вслух, казалось Контролю каким-то нереальным. Однако Лаури категорически отказывался покидать его, не считал себя отвергнутым, то и дело всплывал где-то на самых границах периферического зрения подобно некой демонической черной точке. Проявлялся всякий раз, когда Контроль начинал сомневаться в осуществимости своей миссии, так глубоко угнездился в сознании, что извлечь его оттуда он был не в силах. И в голове звучали непонятные команды, сообщения, все эти импульсы, произнесенные императивным тоном, которым ему не принадлежали, словно их диктовал кто-то другой.

– Мы мыслим в терминах механизмов, а не животных. Враг не признает механизмов, не понимает их.

Ему очень нравилось слово «враг» – оно бодрило, фокусировало его внимание лучше, чем «Зона Икс». Ведь Зона Икс – это просто феномен, исследуемый человечеством, как погода, к примеру, а враг – это нечто конкретное, требующее решительных действий.

Услышав «механизмы, а не животные», она засмеялась.

– Нет уж, он определенно понимает и признает механизмы. И понимает их лучше, чем мы. – Она встала прямо перед ним, смотря в глаза, гневно и отчетливо произнося каждое слово. – Неужели ты еще не понял, что тот, кого ты называешь врагом, умеет манипулировать генами, создавать чудеса мимикрии и биологии? Знает, как управляться с молекулами и мембранами, заглядывает в самую глубину предмета, *видит все насквозь*, выходит на разведку, а затем отступает? Для него наш смартфон все равно что кремниевый наконечник от стрелы, что он действует на основе столь тонких и сложных сенсорных механизмов, что в сравнении с ними все инструменты, которыми мы располагаем, все способы изучения Вселенной свидетельствуют лишь о нашей примитивной природе. Возможно, он даже не считает, что у нас есть сознание или свободная воля – по крайней мере не в том смысле, в котором он это понимает.

– Если так, то зачем ему вообще обращать на нас внимание?

– Возможно, он старается обращать на нас как можно меньше внимания.

Нет ли у тебя в уголке глаза соринки, которую никак не вытащить?

– Так что же, мы сдаемся? Будем жить на острове, сделаем себе шляпы из листьев, питаться будем дарами моря...

Построим дом из ребер одного из левиафанов, которых он видит во сне. Будем плясать под собственную примитивную музыку, пить самогон, сваренный из ядовитых трав. Отвернемся от реального мира потому, что его больше не существует.

Она не обратила внимания на эти его слова.

– Кит может ранить другого кита с помощью своего сонара. Один кит может переговариваться с другим в океане на расстоянии шестидесяти миль. Кит так же умен, как и мы, просто наделен другой формой интеллекта, о которой мы пока представления не имеем. Потому что мы не отличаемся от своих грубых, примитивных инструментов. – Опять она за свое. – По крайней мере, ты – точно.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Доска уиджа (или «говорящая доска») – популярный в Америке инструмент для спиритических сеансов, доска с нанесенными на нее буквами, цифрами и словами «да» и «нет», к которой прилагается специальная планшетка-указатель.

Матф. 7:3.

Терруар (*фр.* terroir от terre – земля) – термин из виноделия, совокупность особенностей почвы и местности, определяющих сортовые качества винограда. – *Здесь и далее прим. перев.*

Арама – редкий вид журавлиных, обитающий на североамериканском континенте, в Индии и на Антильских островах.

Имеется в виду фильм Алехандро Ходоровски «El Toro», «Крот» (1970). В фильме присутствует знаменитая сцена со множеством мертвых кроликов – очевидно, героиням она напомнила упомянутую в книге «Консолидация» видеозапись эксперимента, в ходе которого ученые загнали целое стадо кроликов в границу, где те исчезли.

Деизм – направление в религиозной философии, признающее существование бога, но отрицающее его деятельное участие в жизни сотворенного им мира. Отрицая возможность божественного откровения, деисты полагаются на разум и логику как инструменты познания бога и его воли.

Мегалодон – гигантская акула, вымершая около 1,5 миллиона лет назад. Одна из самых крупных и сильных хищных рыб в истории позвоночных: мегалодон достигал длины 16 метров и веса 47 тонн.